

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О СПРАВЕДЛИВОСТИ?		Инокиня Ольга (Гобзева) Святая земля и наша память	17
Протоиерей Александр Абрамов –			
Павел Демидов		Игумен Варлаам (Борин)	
Справедливость всегда неизменна	4	Архиерейский автомобиль	22
Сергей Комаров			
Об «искусстве неравенства»	6	МИР ВОКРУГ НАС	
Александр Кабаков – Павел Демидов		Наталия Прохорова	
Нужно научиться принимать очевидное	6	Думающий человек не может не искать Бога	24
Лариса Беляева		Архивариус	
Анкета «Лампады».		Ничто не проходит бесследно.	
Скажите, пожалуйста	8	Страсти по Страстному	27
		Александр Шпагин	
<u> ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ</u>		Начало начал	30
Евгения Тарасова		Вадим Рутковский	
Апостол Филипп, Малая Азия и Россия	10	Памятные адреса. Графский дом на Воздвиженке	34
		Людмила Кононова – Юлия Камагина	
<u>ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ</u>		Православное мироощущение всегда современно	37
Сергей Савцов (подготовила Лариса Беляева)		Герман Арутюнов	
Вместе с моим храмом рос и я	13	И смотреть, и слушать	40

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

lampada-press.ru

Настоятель

протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор

Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,

распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Бахчисарайский Свято-Успенский мужской монастырь. Крым. Фото Вадима Рутковского

Адрес редакции:

125414, г. Москва, ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101 +7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г. Выход в свет 15.03.2018

Цена свободная

Этот номер вышел заботами рабов Божиих Алексея и Александра.

Храни их Господь

Приход храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы Сбербанк России г. Москвы

ИНН 7712050269

p/c 40703810938080100250

БИК 044525225

к/с 30101810400000000225

КПП 774301001

Отпечатано

в OAO «Можайский

полиграфический комбинат» 143200, Московская обл.,

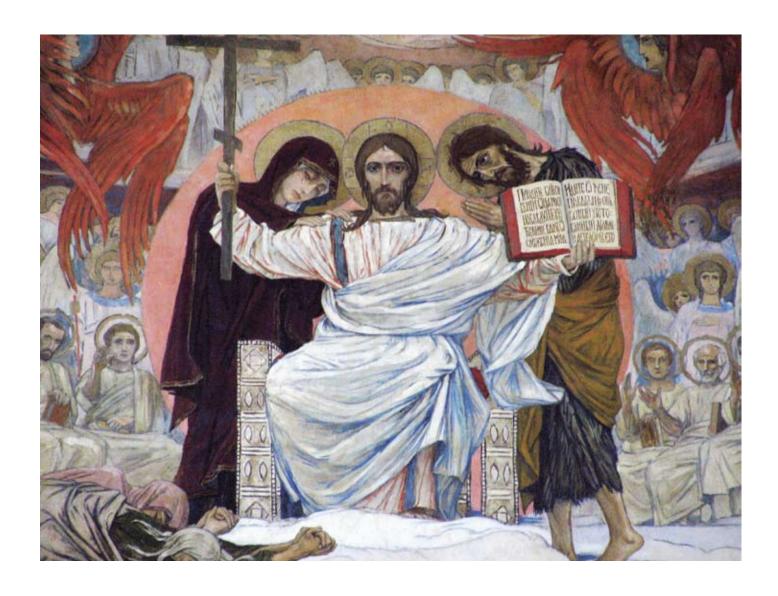
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон: +7 (495) 745-84-28

+7(49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 0502 © Лампада, 2018





Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приндите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его

И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную

Свангелие от Матфея, 25:34, 41, 46



Справедливость всегда неизменна

обеседник «Лампады» сегодня — настоятель храма Сергия Радонежского в Крапивниках протоиерей Александр Абрамов. Его хорошо знают не только прихожане, но и зрители телеканала «СПАС», слушатели радиостанции «Вера», читатели написанных им книг «Воскресение Христово видевши», «Весна надежды нашей». Наша беседа с батюшкой — о теме номера: «Что мы знаем о справедливости?».

- Мне кажется, отец Александр, что сегодняшняя тема номера дает пищу для размышлений. Ведь справедливость касается буквально каждого. Как, впрочем, и несправедливость. И у каждого есть на этот счет свой взгляд. Не так ли?
- Насчет «каждого» я бы не спешил с обобщением. Для людей, живущих в Церкви, несомненно, мерой, определяющей это понятие, был и остается Спаситель, Иисус Христос. Он выше справедливости. Он Сам дарует справедливость. И поэтому, когда мы говорим о том или ином нравственном понятии, мы поднимаем глаза к иконе с Его изображением. И там, у Него, ищем ответ на этот вопрос.
- Вашу оговорку принимаю. Но, к сожалению, в Церкви живут не все.
- Известен упрек, который адресуют христианству те люди, кто не любит Христа. Они говорят: «Вы же сами не живете по справедливости. Одних наказываете, к другим относитесь плохо. Проповедуете одно, а делаете другое». В ходе такого разговора практически всегда возникает тема «Подставить щеку». И приходится слышать: «Что говорил вам ваш Христос в Евангелии? Когда тебя быот по одной щеке, подставь другую. Вы же сами так далеко не всегда поступаете».

– Но разве это не так?

- Доля правды в словах этих людей есть. Это та категория, кто склонен сражаться на шпагах с помощью цитат. А если мы отнесемся к Евангелию внимательнее, то вспомним еще и другое. Когда во время последних дней Спасителя в Иерусалиме Его, Христа, бьют по щекам, Он говорит (Ин. 18:23): «...если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?». Вот он критерий справедливости.
- Из этого критерия, наверное, можно вывести и формулу справедливости?
- Можно. Справедливость... это способ сделать так, чтобы зло было остановлено, а правда торжествовала. Чтобы слабый чувствовал себя в безопасности, если он прав, а сильный был ума́лен, если он неправ. Но это, конечно, категория Божия.

- Значит, как Божия категория, справедливость не может быть относительной?
- Безусловно. Справедливость по Богу категория абсолютная. Справедливость не может быть частичной или временно упраздняемой. Нельзя отменить справедливость, руководствуясь, скажем, законами военного времени или какой иной неотложной необходимостью. Нельзя сказать: «Сегодня мы меньше должны быть справедливы, чем вчера».
- Незыблемость справедливости это, по сути, мост к уверенности, к стабильности, к оптимизму. Я не ошибаюсь?
- Нет. Справедливость и надежда два, как мне кажется, центральных чаяния любого здорового общества. Вы назвали справедливость мостом к стабильности. Что мы вкладываем в это понятие? Надежду, что будем жить по справедливости и сможем улучшать свою жизнь и жизнь людей вокруг себя.
- Можно сказать, это формула на все времена.
- Если не забывать, что справедливость не знает изъятий. Если человек счастлив, это, в частности, означает, что он знает, что будет жить в обществе справедливом и у него есть место надежде. Когда утрачивается чувство справедливости v того или иного государственного образования, когда утрачивается общественный оптимизм, это значит, что страна любая! – идет неправильным курсом. Справедливость - это фундаментальнейшее качество, которое характеризует присутствие Божие. Бог есть Тот, Кто устрояет справедливость. Человек, как сущность греховная, хочет справедливость разорить. Потому что она для него нестерпима, она будет его обличать: «Ты же поступаешь неправильно».
- Но человек хочет установить свою справедливость.
- Увы, да. И здесь мы должны отдавать себе отчет, как справедливость в понимании отдельного человека, отдельного класса и отдельного общества соотносится с тем, что мы назвали бы Божиим законом, Божией правдой. Если это



противоречит Божией правде, аналогию мы найдем в Новом Завете, когда Иисус говорит Савлу (Деян. 26:14): «Трудно тебе идти против рожна». Любая мелкая или частная справедливость – явление эгоистического свойства (мы здесь подразумеваем не обязательно индивида, но и класс, и группу людей и даже стран). В нацистской Германии существовали законы, которые регулировали правила жизни. Но законы эти были неправедными, а значит, несправедливыми. Одних они подвергали незаслуженным гонениям, а других возвышали, объясняя это тем, что они - сверхлюди. В глазах нацистов все это было правильно, то есть справедливо с их точки зрения. Классический образец несправедливо выстроенного общества, которое получило воздаяние в пределах исторической жизни одного поколения. Воздаяния не только посмертного, но еще и прижизненного, когда их принципы были осуждены.

Отец Александр, что вы могли бы назвать антонимом справедливости?

 Антонимом справедливости я бы назвал ложь. Когда с помощью силы ли, денег ли, возможностей ли достигается результат, который в основе построен не на правде. Ложь всегда несправедлива, даже если она прикрывается какими угодно высшими идеалами и представлениями. В истории нашей страны мы знаем горчайшие периоды, когда под маской рассуждений о правде и справедливости совершались совершенно чудовищные деяния, которые привели к моральной деградации целых поколений, выросших в обстановке, когда говорят одно, думают другое, а делают третье. Эта социальная шизофрения есть результат извращения сути справедливости. Все знали, что для партийных справедливость одна, для простых людей другая, а она не может быть



частичной, как мы уже говорили с вами в начале беседы. Не боюсь повториться: справедливость всегда неизменна.

- Справедливость - понятие право-

- С точки зрения Божественного права – да. Но она не является понятием юридическим в людском понимании. Справедливость – понятие сердечное. Законотворчество строится вроде бы на фундаменте справедливости. Но опять же: справедливости в каком понимании? Полезно помнить, что одним законом, пусть даже весьма совершенным, отношения между людьми не регулируются. Есть еще императив, равнозначный внутренней готовности: выступать за тех, кто несправедливо страдает, а это уже качество христианина, то есть то, что лежит в плоскости Божией правды, или справедливости. Почему люди плачут? Потому что им больно, потому что они пострадали. Потому что некая несправедливость очень часто входит в жизнь людей. И Господь утешает таковых (Мф. 5:4): «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Мы же относимся к заповедям блаженства не как к кодексу, а как к окнам, которые нам позволяют увидеть грандиозный план мироздания Божия. А стремление к справедливости является, таким образом, блаженством, включенным в заповеди. Блаженны жаждущие правды... Кто это? Это - ищущие справедливости.

– У людей смещаются понятия. Они справедливость приравнивают к удовлетворению своих желаний, стремлений. Вот тогда, мол, все справедливо. Но удовлетворение своих хотений, наверное, не имеет отношения к справедливости?

- У нас, к сожалению и даже среди христиан, смещен центр тяжести в представлении о том, что хорошо и плохо. Считают: хорошо то, что хорошо для меня. Соответственно, и плохо то, что для меня плохо. И вот эта эгоцентрическая черная дыра неизбежно искажает представления и о расстоянии, и о времени - обо всем. В итоге твое удовольствие приравнивается к благу. Если это тебе удобно и нравится, это и есть хорошо. Иначе говоря – справедливо. Это очень близорукое и примитивное представление о таком высоком понятии, как справедливость. Священники, которые уже много лет служат и обладают немалым духовным опытом, могут рассказать о том, как человек, думая, что он поступает верно, и вроде бы не разрушая свою жизнь, в действительности чудовищным образом ее деформирует. Такой человек идет на поводу у своих представлений, никак не соотнося их с Евангелием.

Справедливость всегда жертвенна?

 Во всяком случае, всегда альтруистична. Несправедливость, напротив, всегда эгоистична. Если ты исходишь из предпосылки, что тебе все кругом должны, тем самым ты подразумеваешь, что представляешь какую-то невероятную ценность. А это отнюдь не аксиома. Это теорема. Ты должен еще ее доказать. А доказывать ее можно лишь опытом служения другим людям. Чем ты ценен? Тем, что ты умный? Так есть много людей умнее тебя. Тем. что никого не убил. не отравил, не избил? Таких, слава Богу, большинство на свете. Ты становишься ценным только тогда, когда свои таланты отдаешь кому-то другому. Когда ты кому-то служишь. Только в этом случае может идти речь о том, что ты нужен, что на тебя стоит обратить внимание. Пока все идет, с твоей точки зрения, своим чередом и все твои потребности без натуги с твоей стороны удовлетворяются, ты просто член обычного потребительского общества, главное правило которого - не трогайте меня, и все будет правильно. Это очень далеко от христианской позиции и очень плохо. Плохо, что многие из христиан или из тех, кто называет себя христианами, начинают воспринимать и Церковь как место удовлетворения своих потребностей - кто духовных, кто просто ритуальных. Как место обслуживания. Вот у нас есть храм в шаговой доступности, вот у нас есть магазин «Пятерочка»... Мы принесли вам пятьсот рублей? Давай крести и меньше разговаривай. Попробуй сказать им: вам надо подготовиться, друзья... И начинается! «Ты за наши деньги будешь еще выкаблучиваться? Так мы пойдем в другой храм». В глазах таких людей с ними обощлись несправедливо. А как это выглядит в глазах Божиих? А в глазах Божиих это означает, что вы пришли не за таинством, а за обрядом. Вы пришли, ничего не понимая о Христе. Для вас во вред будет это крешение

- Наша реальность, мне кажется, очень провоцирует развитие этих процессов. Мы все больше погружаемся в сферу обслуживания нас любимых, будь то здравоохранение, обучение, искусство и прочее. Когда школа начинает оказывать услуги, это ужасно.
- Это так же немыслимо, как немыслимы языковые неологизмы, а по сути алогизмы, отражающие эти новые рыночные понятия. Теперь, оказывается,

для повышения комфортности жизни мы должны располагать какими-то компетенциями, хотя это слово в русском языке во множественном числе не употребляется. Это дурные переводы не очень компетентных людей. Мы действительно переживаем пик потребительского общества. Западное общество, которое мы очень любим ругать, стадиально пережило этот этап куда раньше нас, но там при этом складывались и традиции благотворительности, социального служения. Мы же, как мне кажется, еще далеко не вышли из периода дикого капитализма, когда люди в своем поведении чувствуют себя так, будто они одни на свете, а остальные как бы по случайности считаются людьми и просто должны на них работать. Если вы за рулем и соблюдаете правила дорожного движения, нельзя забывать, что есть и другие участники, а некоторые из них даже, может, не столь опытны и молоды и не на таком престижном автомобиле. Но правилам должны подчиняться все в равной мере. Многолетне воплощаемая несправедливость разъедает представление общества о будущем. Что делать? Махнуть рукой? Все равно ничего, мол, не добиться? Учитель дает взятку врачу, врач - судье, судья... И общество закосневает в неправде.

- Что же? Действительно махнуть рукой?

– Справедливость – это такой цветок, который в домашних условиях не вывести. Он все равно вырастет кривым. Только Бог и Его правда, что равнозначно подлинной справедливости, принесут нам плод «один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат» (Мк. 4:20).

- Благодарю вас, отец Александр!
- Храни вас Господь!

Беседовал Павел Демидов

СКРЕПЫ

Ты все думаешь: вот пришли скорби, вот несчастья, которых нет ни у кого, вот обстоятельства, из которых нет выхода, а это Бог с любовью посмотрел на тебя, это Бог прибли-жается к тебе.



Святой праведный Алексий Мечёв



Сергей Комаров

Об «искусстве неравенства»

то такое справедливость? Учебник нравственного богословия определяет справедливость как «соотношение между достоинством людей и их вознаграждением». Но в чем состоит достоинство человека? Мы созданы по образу Божиему, который есть во всех людях. Ум, совесть, свободная воля, нравственное чувство, самосознание, способность к творчеству в той или иной мере есть у каждого. В этом смысле все люди равны перед Богом и достойны справедливого к ним отношения.

Древние чувствовали и понимали эту истину. Не случайно во многих дохристианских религиях и культурах в том или ином выражении присутствовало «золотое правило нравственности». В Махабхарате находим: «Пусть [человек] не причиняет другому того, что неприятно ему самому». Конфуций учил: «Не делай другим того, чего не желаешь себе». Аристотель на вопрос: как вести себя с друзьями? – отвечал: «Так, как хотелось бы, чтобы они вели себя с вами».

В христианстве «золотое правило нравственности» выражено в знаменитой Нагорной проповеди: «...во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12). По сути, Спаситель здесь раскрывает ветхозаветную заповедь, прозвучавшую более чем за тысячу лет до Его прихода: «...люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:18). Слова Христа из Нагорной проповеди и являются основой для христианского осмысления справедливости.

Однако неправильно было бы думать, что если в нас есть образ Божий, то необходимо всех уравнять и со всеми всегда обходиться одинаково. Мы неравны по природным и личностным данным. Мы разного пола, цвета кожи, национальности, здоровья, способностей. Люди получают очень разные таланты от Господа и неодинаково их реализуют. Так и учит евангельская притча о талантах: разные рабы получили различные таланты и каждый их использовал по-своему. Есть «добрый и верный раб» (Мф. 25:21), а есть «лукавый раб и ленивый» (Мф. 25:26), и справедливый господин по-разному с ними поступает. Иной вариант был бы просто несправедлив.

Но что же тогда такое справедливость, если в ней есть место и некоему равенству и неравенству?

«Сущность справедливости состоит именно в неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми», – писал Иван Ильин.

Да, перед Богом все мы равны как Его творения, равны в Его любви к нам. Но права, обязанности, полномочия, ответственность у всех разные - в зависимости от пола, социального статуса, возраста, здоровья, образования. И справедливость (основанная на необходимости любви к каждому человеку) требует, чтобы с людьми обходились согласно их личным данным, а не по общему трафарету. Мы не требуем от женщины службы в армии, но привлекаем к уголовной ответственности мужчину, сбежавшего от воинской обязанности. Мы не ждем от ребенка выполнения всех норм приличий, но закономерно порицаем взрослого за нарушение общественной этики. Справедливость в некотором смысле есть, по слову того же Ильина, «искусство неравенства».

Вообще в человеке сосуществуют как бы две справедливости, или две правды. Первая (назовем ее естественной) побуждает нас отдавать кому-либо то, чего он заслуживает. Например, женатый мужчина обязан кормить и защищать семью, гражданин государства должен платить налоги, работнику фирмы положено выполнять приказы начальника. То, что человек заслуживает, мы определяем согласно закону, общепринятому кодексу поведения и собственному разумению.

Нужно научиться принимать очевидное

Встречу и беседу с нашим постоянным автором писателем Александром Кабаковым провел Павел Демидов.

- Значит, о справедливости? У меня это слово вызывает неприятные ассоциации.
 - Почему?
- Потому что наряду со свободой, равенством и братством справедливость такая иллюзия, которая, во-первых, для меня мало что означает, а во-вторых, как и вышеназванная триада, неизбежно приводит к пролитию таких потоков крови, что не дай Бог.
- Благородные устремления и потоки крови? Как-то не очень укладывается.
- Беда в том, что все эти понятия не четко определяемы, и уже одно это импульс к разночтению, субъективизму и как результат к конфликту. Не надо ходить за пределы галактики. Возьмите наш мир. Он устроен справедливо? Богатый, устойчивый, цивилизованный северо-запад живет прекрасно, а юго-восток нищий, просто голодный. Это несправедливо. И во имя этой несправедливости взорвали Сирию и еще будут взрывать. Если проникнуть в глубь ситуации, рано или поздно выйдешь на фанатиков справедливости. Одни могут прикрываться религиозным фанатизмом, другие националистическим, третьи патриотическим, но все они жрецы одного бога бога справедливости, точнее богов, потому что у каждого свои понятия о справедливости, стало быть, и свой бог.
- Так все-таки: справедливость достижима или не достижима?
 - А она перед вами. Другой справедливости нет.
- А справедливость Господа? Это не абсолютная справедливость?

- Кто бы спорил. Но покажите мне ее. Где она? Я же говорю о справедливости мирской, земной. О справедливости идиота: тебе мне, тебе мне. Другую справедливость я, например, на земле не встречал. Родились два человека. Один прожил нормальную жизнь, а другой врожденный урод. Это справедливо? Если это человек не религиозный, а таких, как мы знаем, большинство, он воспринимает это как наказание... За что? Да ни за что! Он в этом уверен. И попробуйте его разубедить.
- Вы ведете разговор как бы с позиции человека, не живущего по Богу, так?
- Не скажите. Многие считают, что они живут по-божески, правильно. Бога признают, заповеди признают... По мере сил стараются им следовать. Но если ожидаемого, как считают, не получают, немедленная реакция: за что?! Особенно если речь заходит о свободе. Сразу другие представления! И прежде всего: чтобы надо мной начальников не было.
- Мне кажется, Александр Абрамович, нет предмета для философствования о справедливости по-земному.
 - Очень даже есть.
 - В чем он? Скажите на милость.
- Мне кажется, даже земная, сомнительная справедливость может быть введена в определенные рамки, которые и не напрямую связаны с жизнью во Христе. Это один взгляд. И взгляд другой, тоже взрослого, разумного человека, не религиозного: та справедливость, которой он хочет, неосуществима. Ее быть не может. Возьмите балетную школу. Туда берут с пяти лет. Приходят детишки, их строят и одна педагог-репетитор, я сам это слышал, говорит: «С этого момента в вашей жизни не будет никакой справедливости. Никогда. Вот ты будешь прима, а ты в лучшем случае в кордеба-

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О СПРАВЕДЛИВОСТИ?



Вторая справедливость (назовем ее благодатной) дается от Бога как некий дар. Она приходит к нам через изучение Священного Писания и через жизнь в Церкви. Речь идет о познании правды Божией, о которой говорится: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5:6). С годами правильной духовной жизни в христианине развивается интуиция Божественной справедливости, чувство правды Божией. «Познание Истины, которой является Христос, вводит в душу Божественную правду и изгоняет оскверненную грехом правду человеческую. Свое вхождение в душу Божественная правда свидетельствует миром Христовым» писал протоиерей Геннадий Нефёдов.

Естественная и благодатная справедливость часто не совпадают друг с другом. Например, в житии преподобного Варлаама Хутынского рассказывается, как святой увидел на мосту через реку Волхов осужденного народом преступника, которого готовились сбросить в реку (в то время такая казнь была обычной). Преподобный попросил людей отдать ему виновного на перевоспитание, и народ согласился. Преступник вскоре принял иночество и, благочестиво пожив в монастыре, скончался. Спустя время Варлаам снова проезжал мост, когда с него так же готовились сбросить другого осужденного. Родственники того человека и некоторые из народа умоляли Преподобного спасти приговоренного. Однако Святой проехал мимо, не обращая внимания на их просьбы.

Когда ученики подвижника просили его объяснить свой поступок, он ответил: «Первого осудили справедливо, но он покаялся и Господь повелел мне избавить его от смерти, чтобы он через иноческий подвиг загладил свои грехи. Второго осудили невинно, но Господь попустил его смерть. Если бы он выжил, то сделался бы дурным человеком. Теперь же, погибнув невинно, он получил мученический венец».

Справедливость человеческая и Божия порой могут сильно разниться. «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь» (Ис. 55:8). Но христианин, достигая святости в Церкви, способен принять правду Божию в сердце и сделать ее правдой своей жизни.

Справедливость Божия каким-то непостижимым образом сочетается с Его любовью – и это радостно. «Если Бог справедлив, то я погиб!» – восклицал кто-то из древних старцев. В нашем падшем мире жалость и любовь трудно соединить с правосудием и справедливостью. Правосудие часто слепо, а справедливость безжалостна. Гармонично сочетать истинную справедливость и любовь получается только у Господа.

В книге Апокалипсис апостол Иоанн Богослов описывает одно из видений, показанных ему Христом: «...престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий; и Сей Сидящий

видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду» (Отк. 4:2–3). По толкованию некоторых древних экзегетов, камень яспис (предположительно зеленого цвета) является символом жизни и обновления, а также символом человеколюбия Божьего. Сардис (предположительно красного цвета) обозначает грозный Суд Божий. Если прежде упоминается зеленый яспис, значит, у Бога милость превозносится над судом. Зеленая (подобная смарагду) радуга вокруг престола также свидетельствует о том, что в Божьих определениях над всем доминирует Его любовь.

В справедливости Божией больше любви! Разве это не радостно? Таков наш Господь. А что же мы? Мы призваны подражать Ему. Хочешь научиться высшей справедливости? Пожалей грешника, помилуй виноватого, помоги оступившемуся. Таков путь к Богу и к Его высшей справедливости.

Это трудно? Да. Более того — человеку это невозможно. Но возможно Богу, Который будет судить нас судом не только праведным, но и милостивым (а лучше сказать — праведным, потому что милостивым). Значит, стоит просить у Господа, чтобы в нашей любви было больше правды Божией, а в нашей справедливости больше любви и милосердия. Просить о том, чтобы Он научил нас самому трудному делу на земле — «искусству неравенства». Этому искусству стоит учиться, ибо оно есть сама жизнь.

Киев

лете, а то и в мимансе. Вы будете одинаково заниматься, одинаково работать, но в конечном счете будет, как я сказала. И вы это должны раз навсегда понять». Есть люди, которые это понимают.

- И принимают?
- Эти по мере сил стараются пригасить свою гордыню.
- А кто не принимает?
- Либо, образно говоря, спиваются, либо становятся пламенными революционерами борцами за справедливость.
 - Но опять же в своем понимании.
 - А в чьем еще? Не в вашем же.
- Вернемся к тем, кто понимает и принимает. Вы сказали: они стараются пригасить свою гордыню...
 - Именно так. А следом появляется смирение.
 - Так ведь это и есть жить по Христу.
 - Разумеется. Но он не отдает себе в этом отчета.
- Но это, наверное, не так важно. Важно, как человек живет, а не как отчитывается.
 - В чем-то он живет по Христу, а в чем-то нет.
 - Наверняка. Никто из нас по Христу полностью не живет.
 - И это как раз несправедливо с позиций Бога.
- Вначале вы упомянули известную французскую триаду: свобода, равенство, братство. Она ведь тоже далека от справедливости.
- Не то слово! Столько крови, сколько было пролито ради ее торжества, не было, по-моему, пролито никогда. Как, мол, это мы прекрасная страна с трудолюбивым народом и прочее живем на крохотном и бедном ресурсами пятачке, а рядом бездельники и пропойцы... И пошло-поехало... Несправедливо! И что из этого следует? Догадаться не трудно.
- Думаю, что французская триада второе зло после изобретения человеком денег. Ну а какой может быть, как говорится, свет в конце тоннеля? Если это, конечно, не тот свет.

- Мне кажется, достаточно научиться понимать, что все творимое в этом мире идет не от Христа. И тогда все становится на место. Той справедливости, о которой ты мечтал, не может быть в принципе. Как ни тщись. Но она и не нужна. Потому что такого рода справедливость есть не более, чем разновидность несправедливости.
 - Каждому ли дано это понять?
 - Есть люди, которые инстинктивно это чувствуют.
 - Их можно назвать стихийными христианами?
- Наверное, можно... Такие люди, мне кажется, начисто лишены чувства зависти. Они, конечно, тоже видят окружающий их мир, тоже неизбежно сравнивают, тоже, наверное, задаются вопросами. Но внутри у них есть что-то, напоминающее нравственные весы: у этого есть то-то, то-то, чего у меня нет, но зато у меня есть это, и это... Этот, например, богатый, зато его женщины не любят. Весь разговор! И этот механизм, наверное, всегда находится у них в равновесии.
 - Очень интересно! Этакий балансомер справедливости.
- Вроде того. Наше счастье, что людей с таким внутренним устройством довольно много в жизни.
- Самое интересное, что лично я еще до прихода своего к вере исповедовал примерно такую же философию. Человеку во всем везти не может, и если не удалось что-то одно, то обязательно получится другое.
- Это вам сегодня интересно, когда вы видите, что откуда идет. Но оно-то в вас было всегда. Как в любом из нас. Я уверен: если у человека настойчиво допытываться, почему нельзя делать то или другое, он рано или поздно придет к истоку к заповедям Господним. Любое очевидное «нельзя» приведет нас к правде Божией, то есть к Его справедливости.
- Что ж, будем просить Господа, чтобы Он не оставлял нас на этом пути. Благодарю вас!
 - Помощи Божией всем нам!





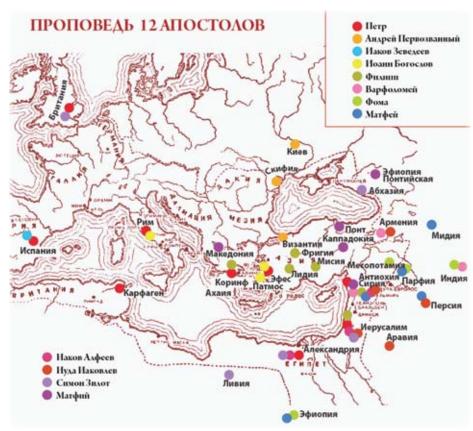
Скажите, пожалуйста...

		<u>-</u>	
	<u>Галина Олеговна Нуждаева</u> пенсионерка	<u>Светлана Васильевна</u> домохозяйка	<u>Дмитрий</u> специалист по работе с финансовыми институтами
Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы			
Справедливость — это по- нятие абсолютное, то есть неизменное и одно для всех, или относительное?	На мой взгляд, относительное.	Абсолютное. Не может быть «недосправедливости» или «пересправедливости». Справедливость бесспорна, так мне кажется.	Относительное.
Вы верите в возможность установления справедливости на земле? Если да — то что для этого нужно? Если нет — то почему?	Я не верю в восстановление справедливости из-за того, что до Страшного суда все мы во грехе. Неважно, кто борется, кто не борется. Мир все равно во зле лежит. Поэтому это просто невозможно.	Конечно, Господь может установить, это несомненно. Для этого нужна вера в Бога. Тогда может быть справедливость на земле.	Да, верю. Просто нужно, чтобы люди были более добрыми по отношению друг к другу.
В чем, вы считаете, главные причины несправедливого поведения человека?	В грехопадении.	Потому что отступаем от Господа. Каждый на себя одеяло тянет. У одного одна справедливость, у другого другая	В безбожии и зависти.
Приходилось ли вам сознательно поступать несправедливо?	Приходилось, к сожалению, по греху, конечно, моему.	Конечно, иногда бывало, к сожалению.	Наверное, да. Все как-то несправедливо поступают.
Вы согласны с тем, что результатом борьбы с несправедливостью чаще всего становится новая несправедливость?	Я согласна с этим, так как, всту- пая в борьбу с несправедливо- стью, мы становимся судьями, к тому же примешиваются все страсти, поэтому мы еще боль- ше приумножаем эту неспра- ведливость.	Не всегда. Совсем не обязательно, чтобы несправедливость рождала другую несправедливость. Иначе не может быть счастья.	Скорее всего, да. Согласен.
Закончите фразу: «Справедливость – это, по-моему».	Справедливость – это то, к чему надо стремиться, помня о своих грехах и о своем несовершенстве.	Справедливость — это Господь Бог. Мне больше нечего добавить.	Справедливость — это какаято общая человеческая гармония в обществе.



<u>Даниил</u> школьник	<u>Мария</u> специалист по сертификации	<u>Екатерина</u> домохозяйка	<u>Вячеслав Николаевич</u> пенсионер
Я считаю, что справедливость — понятие относительное. Кто-то живет неправильно, а при этом получает не по заслугам. А у кого-то — наоборот: он здесь страдает, а там ему за это воздастся.	Справедливость — это абсолютное понятие, но она возможна только после смерти, в другом мире, не здесь. Безусловно, она нужна и здесь. Она не может быть относительной, но по факту ее здесь такой нет.	Я думаю, что не абсолютное. Она изменяема и зависит от того, к кому применяется.	Справедливость должна быть для всех одна, т. е. благо должно торжествовать над злом. Однако в наше время это понятие стало относительным, потому что люди по-разному воспринимают само понятие справедливости.
Многие святые отмечали, что на земле искать справедливость не нужно. Я читал высказывания разных людей, они говорят, что справедливости на земле нет. Я тоже так считаю.	Мы же молимся: Отче наш, что- бы Твое Царство было на земле, как на небе. В Царстве Божием всё справедливо, значит, это возможно. Это идеал, к которо- му следует стремиться.	Нет, я не верю. А почему? Потому что все мы люди разные, у нас у каждого степень греховности разная. Как может быть одна справедливость для всех?	Возможность установить справедливость на земле существует. Однако по сегодняшней человеческой природе она очень сомнительна, потому что люди больше стремятся к несправедливой жизни.
Наверное, в том, что он сам не до конца понимает, что такое справедливость и несправедливость. А раз чего-то не понимаешь, как можно себя правильно вести?	Всё в том же, в чем и остальное в нашей жизни, — в нашем отпадении от Бога. Мы далеко от Него ушли, поэтому поступаем несправедливо по отношению к другим.	В нашей испорченности. Чем чище человек, тем более он справедлив, и наоборот. Уметь видеть свои грехи – это тоже справедливость, но уже по отношению к себе. А видеть чужие грехи – это несправедливо к себе.	Главное — это условия, в которых человек живет, потому что они определяют его поведение. Например, мошеннические, обманные ситуации, это же несправедливо, когда один человек обманывает другого.
Наверное, были такие ситуации, но я стараюсь поступать справедливо. Стараюсь жить по правилу: поступай с людьми так же, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой.	Да, мне приходилось поступать несправедливо. Но несправедливость бывает разная. И я считаю, что несправедливость – это не всегда плохо.	Да, потому что бывает очень сложно переступить через какие-то свои привычки. Я, как мама, воспитывающая детей, понимаю это особенно хорошо, когда вспоминаю свое детство. И тогда каешься про себя.	Да, приходилось по отношению к преступникам, когда они совершали поступки, несоизмеримые с человеческой моралью, в безвыходном положении ради спасения людей.
Нет, с этим я не соглашусь. Я думаю, что вообще не нужно с ней бороться, т. е. она всегда будет, и, к сожалению, на этом этапе нашей жизни от этого никак не уйти. Лучше стараться быть человеком, который принимает всё.	Нет, я не согласна. Я думаю, что если ты видишь, когда рядом с тобой с человеком поступают несправедливо, и ты можешь заступиться, можешь что-то для него сделать, то ты должен это сделать.	Я думаю, что да. Надо, чтобы борьба была внутренняя, то есть со своими помыслами, грехами. Тогда это будет справедливая борьба и принесет хороший результат.	Я согласен с тем, что результатом борьбы за справедливость может быть очередная несправедливость. Это так, но порой одной несправедливостью можно предотвратить другую, более тяжкую несправедливость.
Справедливость – это, помоему, воздаяние по заслугам.	Если жить по-человечески, и справедливость будет человеческая. А если по-божески, и справедливость Божеская.	Справедливость—это, по-моему, умение посмотреть внутрь себя и быть критичным к самому себе в первую очередь.	Справедливость – это когда человек может жить свободно и счастливо.

Апостол Филипп, Малая Азия и Россия



езнают об известнейших русских монастырях — Ипатьевском в Костроме и Чудове в Московском Кремле. Что общего в их истории? Обе обители появились в память о чудесных исцелениях. Сквозь огромное расстояние и время тонкая ниточка истории духовно связала с Россией известные всему христианскому миру малоазийские города Гангры, Иераполь и Колоссы (Хоны).

Ипатьевский монастырь — знаменитая колыбель царской династии Романовых — был основан в 1330 году знатным татарским мурзой Четом, бежавшим из Золотой Орды к Ивану Калите. Возможно, не все знают, но именно от него берет начало род Годуновых. Тяжело заболевшему вельможе во сне явилась Богородица с апостолом Филиппом и святым Ипатием¹. Она обещала исцелить его, если тот примет христианство. На месте видения Чет, в

¹ Священномученик Ипатий был епископом города Гангры в Пафлагонии (Малая Азия, ныне Чанкыры, Турция). В 325 году он принимал участие в І Вселенском Соборе в Никее, на котором была предана анафеме ересь Ария. Когда святитель Ипатий возвращался из Константинополя в Гангры, он был убит еретиками, и на месте его гибели забил целебный источник. На могиле Святого были явлены многие чудеса, в особенности изгнание бесов и исцеление болезней. Дни памяти 31 марта, 16 ноября.

крещении Захария, устроил Ипатьевский монастырь, где придел Троицкого собора был посвящен святым Ипатию и Филиппу.

Чудов монастырь возник немного позже, в 1365 году. Жена хана Джанибека Тайдула, исцеленная от слепоты по молитве святителя Алексия, митрополита Московского, подарила ему двор на территории Кремля, где жили послы из Золотой Орды. Святитель Алексий построил здесь монастырь и посвятил его Чуду Архангела Михаила в Хонех.

С апостолом Филиппом и Архангелом Михаилом связан город Иераполь и его окрестности – Колоссы (Хоны) в Малой Азии (ныне в 20 км от Денизли, Турция). В Иераполе проповедовал и был распят апостол Филипп, один из двенадцати апостолов. Его память Русская Православная Церковь отмечает 14 (27) ноября. Этот день – заговенье на Рождественский пост, который поэтому называют также Филипповым.

Иераполь (Ἱεράπολις) – в переводе с греческого «священный город» - располагался в необычном, очень живописном месте: уступы скал образовали обширную платформу с термальными гейзерными источниками в геологическом разломе. Теплые целебные воды. богатые окисью кальция, стекая по горным склонам, создали фантастическую картину из террас ослепительно белых природных чаш с голубой водой и окаменевших водопадов. Необычные образования называются травертинами - твердыми известковыми отложениями солей кальция, которые издалека напоминают горы, покрытые снегом. Турки назвали это место Памуккале (Pamukkale) – «хлопковый замок, или крепость». Это один из центров международного туризма в Турции, включенный в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

В Римский период Иераполь был знаменитым курортом, куда со всех концов Средиземноморья стекались страждущие от недугов. В «священном городе» находилось много античных храмов и других объектов почитания языческих богов. Из жития апостола Филиппа известно, что в Иераполе существовал храм, где совершали жертвоприношения змее - священному животному римского бога медицины и врачевания Эскулапа (у греков Асклепия) и фригийского бога-целителя Сабазия. Покровителем города и главным объектом поклонения был Аполлон. В его святилище находилась природная пещера, заполненная ядовитыми газами. Ее посвятили богу смерти и подземного мира Плутону (у греков -Аид), где жрецы приносили жертвы и исцеляли людей.

Иераполь стал священным городом и для христианского мира. В месте, переполненном языческими идолами, проповедовали Христа три величайших Его апостола — Иоанн Богослов, Филипп и Варфоломей. Апостол Филипп принял здесь мученическую кончину. Его мощи почти 500 лет находились в Иераполе, который он, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «спасал чудесами».

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Филипп упоминается с другими апостолами в Евангелии от Матфея (10:3), от Марка (3:18), от Луки (6:14), а также в Деяниях апостолов (1:13). Существует апокрифическое «Евангелие от Филиппа» (ІІІ век), которое было обнаружено археологами в конце 1945 года в районе селения Наг-Хаммади (Египет), и апокрифический текст «Деяния апостола Филиппа».

Евангелие от Иоанна сообщает, что он был родом из Вифсаиды, как Андрей и Петр, и призван за ними третьим. Филипп безоглядно последовал за Христом (см.: Ин. 1:43-44) и привел к нему своего родственника или друга Нафанаила (см.: Ин. 1:45-51). Церковное предание отождествляет его с апостолом Варфоломеем. На страницах Евангелия от Иоанна Филипп упоминается еще трижды: он беседует с Иисусом о хлебе для множества народа (см.: Ин. 6:5-7), приводит к нему эллинов (эллинизированных иудеев) (см.: Ин. 12:21-23) и просит на Тайной вечере показать Отца (см.: Ин. 14:8-9).

После сошествия Святого Духа Филипп стал проповедовать Евангелие в Галилее, Греции, Аравии, Эфиопии, Сирии. В Малой Азии Филипп и Варфоломей проповедовали вместе. Их спутницами были семь дочерей апос-



Распятие ап. Филиппа. Миниатюра. 985 г. Ватиканская библиотека. Рим

тола Филиппа, его сестра Мариамна и Иоанн Богослов. Вероятно, апостолы и их спутницы составили ядро первой христианской общины Иераполя.

Пройдя Сирию и нагорную Азию, Филипп прибыл в Лидию и Мизию (северо-западные области Малой Азии), обращая язычников. Там к нему присоединился Варфоломей, который в то время проповедовал в соседних

городах. В одном из лидийских селений они встретили Иоанна Богослова и вместе отправились в страну Фригийскую. Войдя в город Иераполь, апостолы благовествовали о Христе. Как уже было сказано, в городе находился храм, посвященный Ехидне (др.-греч. Έχιδνα, буквально «гадюка») – гигантской змее, которой совершали жертвоприношения. Помолившись, апосто-

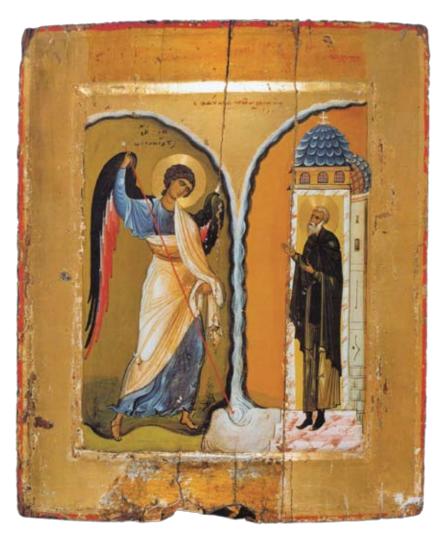


лы умертвили змею. После этого Иоанн Богослов разлучился с Филиппом и Варфоломеем, предоставив им Иераполь для проповеди, а сам пошел в другие города.

Апостолы совершили множество чудес, обращая ко Христу язычников. Ими был исцелен слепой от рождения горожанин Стахий, который принял крещение. Святые жили в его доме, куда стекались толпы народа. Жена начальника города Никанора, смертельно укушенная змеей, была исцелена апостолами и крестилась. Градоначальник, узнав, что его жена стала христианкой, приказал схватить и судить Филиппа и Варфоломея. Святые были осуждены правителем на распятие. Апостолу Филиппу просверлили пятки, продели веревки и повесили на кресте вниз головой напротив дверей хра-

ма Ехидны. Обвинители метали в него камнями. Затем у стены храма распяли святого Варфоломея. Внезапно сделалось землетрясение, земля разверзлась и поглотила градоначальника и жрецов. Расценив это как возмездие за смерть святых, перепуганные горожане бросились снимать апостолов с крестов. Варфоломей был еще жив, а Филипп умер. Случилось это в 80-х годах І века. Апостола Филиппа похоронили в Иераполе Варфоломей и Мариамна. После этого Варфоломей отправился на проповедь Евангелия в Индию и Армению. Мариамна проповедовала в Ликаонии (Малая Азия), где мирно скончалась.

В конце IV века после раздела Римской империи земли Малой Азии перешли во владение Византии. В византийский период в Иераполе существовало много христианских церквей. Город имел епископа, присутствовав-



Чудо Архангела Михаила в Хонех. XII в. Монастырь св. Екатерины на Синае

шего на I Вселенском Соборе в Никее. В V веке над захоронением апостола Филиппа за крепостными стенами был построен каменный восьмиугольный мартирий — христианский храм в память святых мучеников. Руины храма, к которым можно подняться по длинной лестнице, сохранились до наших дней. Близ него находятся развалины византийской базилики того же времени.

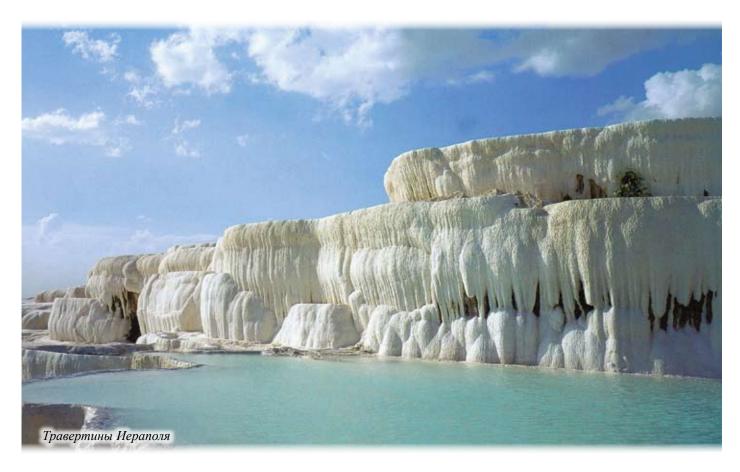
Мощи святого Филиппа около 560 года были перенесены в Рим в церковь Двенадцати апостолов. Одна рука апостола хранилась в Константинополе в церкви Богородицы Всенепорочной. Византийский император Мануил Комнин даровал ее как величайшую драгоценность своей племяннице Марии. Во время IV крестового похода в 1204 году святыню похитили крестоносцы и перенесли во Флоренцию. По преданию, в монастыре Святого Креста на Кипре,

в специальном ковчеге хранится глава апостола Филиппа. Подлинность этой святыни подтверждают четыре печавизантийских императоров. Русский путешествен-XVIII века ник Григорович-В.Г. Барский зарисовал ковчег с мощами и отметил в своих путевых дневниках, что вначале он хранился в церкви села Арсос, но из-за бесчинств турок был перенесен в более безопасное место в монастырь Святого Креста.

Иераполь постигла печальная судьба. С XI века город подвергался нападению туроксельджуков И В 1210 году перешел в их владение. Мощное Фракийское землетрясение 2 марта 1354 года окончательно раз-

рушило полузаброшенный Иераполь, так никогда более не восстановленный.

С окрестностями Иераполя связано чудесное событие, нашедшее отражение в христианской иконографии под названием «Чудо Архангела Михаила в Хонех». Хоны, ранее называвшиеся Колоссами, находились вблизи Иераполя. Здесь был целебный источник, появившийся по предсказанию апостолов Иоанна Богослова и Филиппа. От источника проистекали многочисленные чудеса и исцеления. Многие, увидев это, крестились. В IV веке житель Лаодикии в благодарность за исцеление своей немой дочери воздвиг над источником церковь Архангела Михаила. Служителем храма был пономарь Архипп, который своим благочестием и проповедью также многих приводил ко Христу. Озлобленные язычники решили затопить церковь,



направив к ней воды соединенных рек Капра и Лика. Архипп усердно молился Архангелу Михаилу о предотвращении бедствия. Когда река устремилась к храму, внезапно появился Архистратиг Михаил и жезлом удержал стремительный поток, направив его в расселину камня близ церкви. Язычники, увидев чудо, в страхе бежали. В честь происшедшего место переименовали в Хоны (от греч. χώναι – множ. число от χώνη – воронка).

На территории России насчитывается до полутора десятков престолов, посвященных апостолу Филиппу: в Новгороде, Москве, Петербурге, в Тульской, Тверской, Ярославской областях и республике Коми. Наиболее древние и известные храмы находятся в Новгороде и Москве.

В 1194 году в Новгороде на улице Нутной была построена церковь апостола Филиппа по обету и в благодарность Богу за избавление от страшного пожара. В XVI веке к ней пристроили таких же размеров церковь Николая Чудотворца. Этот редкий по архитектуре сдвоенный храм со времен хрущевских гонений на протяжении 30 лет был кафедральным и единственным действующим в городе.

В Москве есть два престола во имя апостола Филиппа, который был небесным покровителем митрополита Московского и всея Руси Филиппа (Колычева). В 1566-1568 годах по инициативе бывшего Соловецкого игумена на митрополичьем (с 1589 года – Патриаршем) дворе построили церковь Зосимы и Савватия Соловецких с приделом апостола Филиппа. Вторую церковь воздвигли на Иконной улице, где находились слобода иконописцев и подворье митрополита Филиппа. Позднее переулок получил название по церкви - Филипповский. С 1818 года и до сего дня при церкви апостола Филиппа открыто подворье Иерусалимского Патриархата в Москве. Главный престол был переосвящен в честь праздника Воскресения Словущего, а северный Никольский придел - во имя святого апостола Филиппа. Храм в Кремле также неоднократно перестаивался и переосвящался. При Патриархе Никоне на месте разобранной Зосимо-Савватьевской церкви были выстроены трехэтажные каменные палаты и домовая церковь апостола Филиппа. В 1681 году, при патриархе Иоакиме, церковь переосвятили в честь Двенадцати апостолов, а церковью Филиппа стал называться небольшой домовый храм Всероссийских патриархов на третьем этаже палат. На протяжении 350 лет русские митрополиты и патриархи молились в домовой церкви перед престолом, освященным во имя апостола Филиппа. После революции в 1918 году кремлевские храмы были закрыты.

Уже в наше время в 2011 году на Аравийском полуострове в Объединенных Арабских Эмиратах в Шардже открылась первая и пока единственная русская православная церковь, которая носит имя святого апостола Филиппа. Согласно преданию, он первым из апостолов проповедовал в этих местах. На Ближнем Востоке живут и работают многие наши соотечественники. По словам настоятеля русского православного прихода игумена Александра (Заркешева), постоянное проживание в стране с другой религией и культурой имеет свои особенности. Многие только здесь осознали, что такое христианство и что они православные христиане. Церковь апостола Филиппа в далеких Эмиратах стала для россиян островком Родины.

Вместе с моим храмом рос и я

аш храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине — один из первых возвращенных Московской Патриархии после долгих лет узурпации церквей большевистско-советской властью. О том, что увидели настоятель Георгий Полозов и первые прихожане, написано немало, поэтому не станем повторяться.

3 января 1992 года состоялось первое богослужение. Открылась воскресная школа для детей. 15 февраля 1993 года вышел первый номер газеты «Лампада». Сегодня это уже цветной журнал, который в этом году отметил 25-летие. «Лампада» — единственное православное издание, награжденное премией Союза журналистов России «За верность теме».

Среди первых учеников той воскресной школы был и мальчик Сережа Савцов. Сегодня он алтарник и администратор сайта Знаменского храма. По нашей просьбе он вспоминает то время...

Я из самой обычной семьи, у нас не было в роду священников и монашествующих, но верующие, думаю, были все. По рассказам бабушки, у нее в советские, самые тяжелые для Церкви, годы всегда были иконы, хоть их и приходилось прятать. У нас дома, как я помню с детства, теплилась в уголке лампада перед образами. Мама всегда обращалась с молитвой за помощью Божией.

В храме мне понравилось с первого дня, как меня привели туда родители. Я любил по воскресеньям ходить сразу на две литургии, помню, как папа отводил меня на раннюю службу темным зимним утром в нижний храм, после я перебегал в верхний храм на вторую службу, а далее начинались занятия в воскресной школе. Как только мама узнала, что открывается воскресная школа, она сразу повела меня туда. В первые годы в школу ходил мой одноклассник Роман. Он мне многое подсказывал, и мы любили обсуждать разные духовные темы.

Первый урок проходил под открытым небом, на лавочках около небольшого ларька, где жил регент храма, который вел занятия. Сразу скажу, что тогда одним из певчих был юноша Максим Казаков. Потом он стал регентом. А спустя какое-то время был рукоположен в дьякона. Сейчас он уже священник, служит в Зеленограде. Мы его очень любили и любим.

Детей в школе было немного, около десяти человек. Этот урок мне запомнился на всю жизнь. Вначале мы принесли две лавочки из храма. Расселись на них, кто-то из ребят принес из церковной лавки икону Спасителя. Помолились. И первая фраза нашего преподавателя на первом же занятии была такова:

 А знаете, дети, что у каждого есть душа? После смерти тело человека становится на несколько граммов легче.

Меня это поразило. И я стал внимательно слушать рассказы преподавателя. После занятий все ученики собирали грабельками опавшую листву на территории храма.

Весь год порядок не менялся: сначала мы были на поздней литургии, затем нас кормили в небольшой деревянной трапезной, потом — урок. Родители трудились в трапезной по графику: каждую неделю двое взрослых отвечали за стол и угощение для ребят.

Первый год занимались в небольшом ларьке, где жил наш регентпреподаватель. На уроке нам читали Евангелие, жития святых. Особенно я любил рассказы из книги «Православные чудеса в XX веке». После занятий мы посменно убирались в ларьке. Позже занятия стали проводить в храме.

Во второй год в программе были уже два предмета: Закон Божий, его вел диакон Димитрий Туркин, ныне клирик храма святителя Николая у Соломенной сторожки, и церковнославянский язык, который преподавала Ирина Алексеевна Корнилаева. К третьему году открыли два класса — для старшей и младшей групп. Занятия перенесли в нижний храм, где занимались одновременно обе группы.

Воскресная школа стала для меня духовным толчком. Мне хотелось



больше читать духовных книг. Помню мою первую книгу - «Библия для детей», которую я читал еще до воскресной школы. Она была самой любимой книжкой, я даже засыпал с ней. Когда начал учиться в воскресной школе, родители мне купили «Православные чудеса в XX веке» и «Сказание о житии старицы Матроны» (в то время еще не канонизированной). Вот эти книги действительно вдохновили и укрепили меня. Мы с родителями часто перечитывали их, даже соседям и знакомым давали (в начале 1990-х духовных книг было совсем мало). Домашнее задание воскресной школы по Закону Божьему и по церковнославянскому языку я делал в первую очередь, а только потом по школьной программе. Меня часто тянуло в храм, и так было радостно, когда нам организовывали экскурсии в Свято-Данилов или Донской монастыри.

В средней школе я был одним из спокойных ребят, старался не грешить и не обижать чем-либо сверстников, пытался помогать. Там, конечно, знали, да и я это не скрывал, что верю в Бога, но не помню, чтобы кто-то расспрашивал об этом.

Хочется рассказать историю, которая почему-то мне запомнилась. Было это на праздник Рождества или

Крещения, падали хлопья снега, приходили люди. После службы меня попросили посторожить уличную копилку около храма. Стоять без дела было как-то скучно. Я попросил, чтобы мне что-нибудь дали, и мне выдали пачку газет «Лампада» для продажи. Взял благословение у отца Бориса Куликовского и начал предлагать нашу газету приходящим. Спустя некоторое время, когда газеты уже заканчивались, мне принесли пачку свечей. Помог храму, и слава Богу! Я продавал «Лампаду» и после окончания воскресной школы.

Как я первый раз попал в алтарь и стал алтарником, это отдельная история. Я уже учился в воскресной школе и на летние каникулы уезжал к бабушке в деревню в Рязанскую область. Там я каждое воскресенье ходил в храм в соседнее село за три километра через поле. В то время там служил молодой священник Александр, он мне запомнился как очень дружелюбный и спокойный батюшка. Было мне в то время примерно лет двенадцать. Отец Александр меня сразу приметил. Както он мне предложил войти в алтарь и помогать ему, но тогда я отказался, сказав, что лучше буду обычным прихожанином. Я чувствовал, что он не терял надежды: то попросит во время молебна кадило подержать, то икону понести на крестном ходе, то еще чтонибудь. Но тогда меня одолевал страх и трепет.

Когда мне предлагал зайти в алтарь наш настоятель отец Георгий, уже в 2000-х годах, я пытался приходить в храм в те дни, когда он не служит, чтобы избежать такого разговора. Длилось это несколько лет. В то время я уже помогал читать синодики. И вот в 2012 году во вторую неделю Великого поста, придя в нижний храм на будничное вечернее богослужение, которое должен был совершать отец Александр Михеев, я начал исполнять свое послушание и вдруг увидел, что вместо отца Александра служит отец настоятель. Увидев меня, он сказал, что сейчас на службе нет алтарника и нужна моя помощь. Благословив меня, батюшка помог надеть стихарь и вкратце объяснил, что делать. Страх был у меня безумный, помню, что воск от пономарской свечи упал мне



Справа от меня мой друг Роман. Имена остальных, к сожалению, не помню

на лицо и я даже не почувствовал. Помогал мне в первое время осваиваться наш звонарь и алтарник Михаил Павлович.

Конечно же, с Богом жить намного лучше. Зная, что Господь с тобой и тебе помогает, чувствуешь себя уверенно и все проблемы решаются как бы сами собой. После школы поступил в институт по специальности «Автоматизированные системы управления». Вуз находился недалеко от метро «Сокол», и там я часто заходил после занятий на вечернюю службу в храм Всех святых. В годы учебы из-за нехватки

времени сложно было часто посещать свой родной храм и удавалось это делать изредка, поэтому храм на Соколе был для меня утешением.

После института я недолго проработал в компьютерной фирме администратором компьютерной сети, после несколько лет был преподавателем компьютерных курсов, в кризисный 2007 год попал под сокращение. Но и здесь Господь помог. В этом же году в Москву в Свято-Данилов монастырь была принесена десница святителя Спиридона Тримифунтского. Мне удалось приложиться к ней дважды,



Лампада № 2 (119) март – апрель

в первый и второй день ее пребывания, причем чудесным образом мне удавалось приезжать днем и очередь была маленькая, но когда я уезжал, было видно, что стоит множество людей вдоль монастырских стен. Буквально через пару месяцев мне предложили работу в одной крупной компании.

Спустя несколько лет я оказался на приходе нашего храма. Я уже несколько месяцев алтарничал, когда батюшка попросил
помочь ему в административной работе, а также
разработать макет нового сайта для храма. Так и
началось мое служение в
храме. Женился я совсем
недавно, детей пока нет.
Так Господь и устроил
мою жизнь, и во всем я
вижу Промысл Божий.

Вера открывает человека перед Богом, и ее очень важно иметь каждому. Если человек с верой, значит, он с Богом. Вера по-другому за-



Венчается раба Божия Валерия рабу Божию Сергию...

ставляет смотреть на всю жизнь. Нужно понимать: чем больше у человека материальных благ, тем больше растут его потребности и запросы и он никогда не сможет ими насытиться. Таким путем духовное спокойствие не придет никогда. Вера в Бога дает понимание, что, для того чтобы насытиться, усмирить свой аппетит, необязательно употреблять все больше и больше материального. Ведь если познать вкус духовной пищи, никакие внешние проявления жизни не смогут поколебать спокойствие и внутреннее состояние. Думаю, главное, что человек получает начиная верить, невозможно потрогать руками, а можно лишь ощутить в своем сердце.

> Подготовила Лариса Беляева Фото Ларисы Беляевой и из архива автора

Из обращения настоятеля Георгия Полозова к читателям «Лампады» в связи с выходом первого номера:

3 января 1992 года наш храм вновь раскрыл свои двери для верующих. Ныне в нем регулярно проводятся богослужения, действует воскресная школа, ведутся ремонтно-восстановительные работы. Выпуск собственной газеты — еще один шаг к возрождению славного ховринского прихода. Авторы и издатели, среди которых служители и прихожане храма, жители близлежащих микрорайонов, адресуют «Лампаду» православным христианам, прихожанам и добровольным помощникам храма, всем, кому дорога русская духовная культура и местная история.

...Молим Бога, чтобы «Лампада» не угасла и неизменно оставляла добрый след в ваших душах.



Дневник инокини Ольги (Гобзевой)

Святая земля и наша память

акие могут быть побуждения написать чтолибо? Описывать события жизни, состояния души, переживания не вижу смысла, разве только это кому-то нужно, если это необходимо для свидетельства, как говорил владыка Сергий. Необходим импульс извне, нужна просьба.

Мой друг – Н.Н. Лисовой – историк, заместитель Председателя Императорского Православного Палестинского Общества, попросил меня вести дневник поездки на Святую землю, так как сам не мог в этот раз поехать на юбилей Русской духовной миссии, со дня основания которой исполнилось 170 лет. Благословил наше паломничество игумен Леонтий, секретарь Русской Духовной Миссии.



Так выглядит святая земля Палестины с крыши Русского центра культуры и науки в Вифлееме

Антон Дмитриевич, мой прадед, шел пешком из Яффы в Иерусалим семь дней, с паломниками из Пензенской губернии, как вспоминал отец.

Наша паломническая группа разместилась в удобном автобусе, и диакон Роман, замечательный проводник, рассказывает о Святой земле. За окном проплывают холмы, покрытые деревьями, террасы. Но на пути пензенских странников не было тогда деревьев, а только жаркая светло-терракотовая каменистая земля.

Не могу не вспомнить и моих двоюродных бабушек — монахинь, которые также паломничали по Святой земле. Видно, их молитвами «иду» в Иерусалим и я!

Стемнело, когда въехали в Старый город. Разместились в католической гостинице Knights Palace, бывшем рыцарском замке. И сразу – в Троицкий собор.

Оказавшись у распятия, поразилась: Пречистое Тело Христа мучительно склонено, не так, как в московских храмах. Приложилась к кресту, и тотчас вернулась боль в спину: перед поездкой умудрилась ее сорвать.

Утром – в храм Гроба Господня. Видела его в телевизоре множество раз, но, оказавшись перед ним вживую, поняла, что вижу впервые! Трещину в колонне слева можно потрогать. В полумраке перед нами Камень Помазания, но мы идем за быстрым о. Романом на Голгофу. Как поднимусь с больной спиной по крутым ступеням? Но поднялась — и боли не почувствовала. Страшно было прикоснуться к Кресту Христову! Одна из паломниц, согнувшись под Престолом и опустив руку в серебряное отверстие, не сразу смогла вынуть ее обратно.

Вот и треснутая скала, та самая, которая возникла, когда «земля потряслась; и камни расселись» (Мф. 27:51) — когда умер Спаситель мира.

Спускаясь с Голгофы, отметила, что розовый мрамор, который ее покрывает, напоминает предрассветную зарю. Решив по совету о. Романа войти в Кувуклию перед ночной службой, когда будет не так людно, пошли в храм Воскресения. Подкатила усталость, и я присела на камень при выходе. Молодой человек с кинокамерой стал спрашивать, к какой конфессии принадлежу: «Orthodox?». – «Ортодокс, ортодокс, русская», – ответила я.

Интерес ко мне пропал, и он нацелился на поющих католиков.

Спустились вниз В церковь св. Елены - туда, где она обрела Животворящий Крест. Из церкви свв. Жен Мироносиц прошли в маленький храм св. Иакова, брата Господня. Православный араб обнял о. Романа и стал показывать нам святыни храма. В убранстве иконостаса – драконы, такие веселые, что удивительно. Я вспомнила, как один историк, рассказывая о св. Георгии Победоносце, предположил, что драконы в иконографии также могут символизировать время, которое ни злое, ни доброе, а просто – время. Его-то и пробивает копьем св. Георгий, призывая нас своим подвигом победить самих себя.

Икона Божией Матери, перед которой молилась Мария Египетская, сама взглянула на нас, прежде чем мы подошли к ней. Марии очень хотелось попасть на праздник Воздвижения Святого Креста, но как только попыталась войти в церковь, ее стало отбрасывать на паперть. В мольбе упала на камни, которые стали мокрыми от слез... и услышала от Божией Матери повеление идти в пустыню...



Как часто и меня «отбрасывало», когда стала ходить на службы в церковь, как часто падала в обмороки от духоты, как меня «изгоняли», когда приходила в церковь дождливыми ноябрьскими вечерами в джинсах...

...«Краснопресненская!» – услышала женский голос и вышла на станцию. Поднялась по эскалатору, к зоопарку и повернула за метро. Пошла... не знаю куда. Моросил то ли дождь, то ли мокрый снег. Сказать, что было печально на душе, – ничего не сказать. Моя короткая курточка была влажной, ноги едва передвигались.

Улица Заморенова... Повернула в переулок и подошла к едва заметной среди домов церкви. Ноги сами понесли меня в храм. В серебряном полумраке увидела худощавого священника, он стоял в трапезной части храма. Не помню, как оказалась возле него. Не знала, что сказать, ведь говорить о грустной тоске, которая была во мне, не умела... Он сам обратился со строгим замечанием: «Женщина не должна ходить в мужской одежде, тем более в храме». Внутри что-то дрогнуло, я будто проснулась: Боже мой! Конечно же, нельзя ходить в храм в таком виде!

Попросила прощения и вышла на улицу.

В Иерусалимском патриархате прием патриархом Феофилом в связи с празднованием юбилея Русской духовной миссии. Собирались все, кто когда-либо был ее начальником: семь митрополитов, архиепископы и прочие высокие гости. Строго наказано - не опаздывать! Однако замешкалась, надевая рясу, клобук. Выскочила на улицу. Опоздала! Не зная дороги, побежала, молясь Пресвятой Богородице. Встречные арабы сочувственно подсказывали путь. Наконец увидела о. Романа, который стоял на пороге патриархии. «Очень красиво!» - похвалил о. Роман за знак Палестинского общества, который от бега раскачался на моей рясе.

В зале приемов патриарх Феофил тихо говорил приветственную речь. Села на крайний стул, пытаясь успокоить дыхание. Среди гостей кроме нас сестры Горненского монастыря. Давно уже привыкла к колючим взглядам землячек, а тут — сама доброжелательность. Никто на меня не покосился!

...Весной 1993 года, в воскресный день первой недели Великого поста,

в праздник Торжества Православия, в Свято-Введенском храме Ивановского монастыря нас с послушницей Валентиной постригали в рясофор. Мы стояли неподалеку от солеи. В руках держали кули с монашеским облачением, завязанные узлом в белые ситцевые платки в горошек. Вскоре появился архиепископ Ивановский и Кинешемский Амвросий. С нас сняли платки послушниц. Владыка начал молиться. В его руках сверкнули большие ножницы. Мы склонили головы, и ножницы по четыре раза лязгнули у нас над головами. Мне показалось, что я умерла: стою на ногах, но не живая... Потом началось облачение: с каждым новым предметом монашеской одежды произносилось особое напутствие. Надевая на голову клобук, Владыка назвал его шлемом, а четки - оружием. Было сказано, что теперь мы всегда, всю жизнь должны ходить в этой одежде.

Пока нас облачали, я стала понемногу оживать, почувствовала, что у меня опять есть руки и ноги. Но вообще казалось, что я не стою на полу храма, а слегка подвешена: подошвы не чувствовали опоры. Конечно, пер-



Монастырь Святого Креста в Западном Иерусалиме

вое время мы с Валей так и «летали» – не ходили по земле...

Эта картина мгновенно промелькнула в моей памяти, когда я вслед за горненскими сестрами направилась к патриарху Феофилу и получила икону Божией Матери «Иерусалимская».

«Как я рада видеть вас! Мой муж Петр Владимирович Стегний просил передать вам его книгу о жизни и судьбе игумена Серафима (Кузнецова)», - услышала мелодичный голос одной из приглашенных. Как они догадались, что мне нужна эта книга?! Ведь о. Серафим - тот самый подвижник и «труженик христианского долга», который привез в Иерусалим мощи св. прмц. Елизаветы – великой княгини, затворницы Напольной школы города Алапаевска. Я же там прожила 253 дня, когда исполняла обязанности игуменьи Свято-Елизаветинского женского монастыря.

...Появилась я в Алапаевске 13 июля 2016 года, где после собрания в Каменской епархии мне вручили Указ о назначении исполняющей обязанности игуменьи Свято-Елизаветинского женского монастыря. Въехали в город ночью, только что прошел сильный ливень. После долгих звонков в дверь неприветливо встретила инокиня Анастасия. «Где моя келья?» — спросила

сестру. «Не знаю, ничего не знаю», – услышала в ответ. Потом все-таки повела на второй этаж, и я свалилась на жесткую постель, слава Богу!

Приближались Царские дни. К вечеру 15 июля привезли из Ирбита огромный самовар, с подносом. Послушница Ника взялась за очистку. Они заблистали так, что трудно было взглянуть на них. Раньше, в Москву, звонил владыка и спрашивал, нет ли у меня каких-нибудь пожеланий? Ответила, что хотела бы в монастырь большой самовар — настоящий, который топится на шишках, примерно такой, какой был у Елизаветы Федоровны и Сергия Александровича в Ильинском...

...Прошли в другой зал, где на стенах висели портреты иерусалимских патриархов. Остановилась перед портретом патриарха Диодора. Вспомнила...

В 1988 году в Киеве во Владимирском соборе совершалась торжественная служба, посвященная 1000-летию христианства. Выходя после службы вместе с 12-летним сыном, нечаянно столкнулись с величественным иерархом. Он взял из моих рук приглашение и летуче расписался — Диодор, потом сказал что-то сыну. Открыв рты, мы долго еще стояли на дорожке. А вот и новая встреча с иерусалимским патриархом!

Вышли на крышу. Оказывается, по крышам можно обойти весь Старый город, но мы поспешили в Александровское подворье.

Все, что мы видели и еще увидим, приобретено и построено при участии великого подвижника архимандрита Антонина (Капустина) — создателя Русской Палестины. Это архимандрит Антонин «не умолкал ради Сиона и ради Иерусалима не успокоился». Одно из самых удивительных открытий батюшки — Порог Судных Врат.

Уселись на широкие ступени, слушали о. Романа и глядели на тот самый Порог. Левее была народная достопримечательность, скорее всего придуманная паломниками из России. Это – Игольное ушко – щель в стене, действительно чем-то напоминающая игольное ушко. Усвоив из Евангелия, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24), мы тщательно пролезли сквозь него, и даже довольно грузный о. Никон, но прежде долго стояли перед Порогом Судных Врат на коленях...

Ночная служба в храме Гроба Господня! Все митрополиты и архиепископы сослужили за праздничной литургией. Наверное, тесно стало ангелам в своем приделе! Сейчас здесь народу меньше, чем днем, и повсюду русская речь. Вслед за горненскими приклонилась и поняла, почему ложе, также покрытое розовым мрамором, теплое. Здесь льются горячие просьбы паломников, молящихся Господу о спасении своих душ! Попятилась вслед за матушками и увидела, какой надеждой светятся лица паломников, ждущих своей очереди к трехдневному ложу. Как хорошо, что поток из России такой неистошимый!

Началась служба в храме Воскресения. Греческие монахи, сменяя один другого, читают, чуть в нос, нараспев молитвы. В приделе Ангелов зазвучала Болитургия! жественная И тут – передо мною пуп Земли! Поставила свечи и заметила, что в середине Пупа еще один пуп, поменьше. Действительно, ось Земли здесь!

«Приимите... сие есть Тело Мое... Еже за вы ломимое...» – слышу

мягкий голос митрополита Ювеналия. Причащалась у монаха-грека. Одной рукой он придерживал плат, и ему было неудобно, так как наши, русские, привыкли, что им после причастия утирают губы. Подхватила плат и стала помогать батюшке. Господи, сколько имен!.. Лиза, Иван, Ирина, Владимир... Множество лиц, потрясенных возможностью причаститься здесь, у Гроба Господня, в самом центре Вселенной!

...В Алапаевске о. Михаил в домовом храме Свято-Елизаветинского женского монастыря перед причастием исповедал детей — воспитанников воскресной школы. «Ну ладно, — сказал о. Михаил, — грехи вы умеете рассказывать, а скажите мне, что вы сделали хорошего?». Дети в недоумении, переглядываются, а потом началось!.. Перебивая друг друга, «исповедова-



У мощей прмц. великой княгини Елизаветы Федоровны в храме Святой Магдалины. Гефсимания

лись». Радостные улыбки были не только у детей, но и всех нас — насельниц обители. Все любили о. Михаила! Батюшка, где ты? Служишь ли еще в Алапаевске?..

После ночной службы нам разрешили отдохнуть до десяти утра.

На Святой земле – будто подпрыгнула и... зависла. Особенно здесь, на Елеонской горе. Идем по оливковой аллее, устроенной о. Антонином. Срываю оливку, которую посажу дома: авось вырастет!

Говорят, что готовится канонизация архимандрита Антонина (Капустина), и слышала разные мнения об этом. Ближе всех к истине Н.Н. Лисовой, который характеризует деятельность архимандрита Антонина как особую миссию на Святой земле. О. Антонина невозможно втиснуть в привычные рамки, подогнать под пра-

вила, которые приняты. Как свидетельствуют его современники, он был живым человеком, с тонким чувством юмора, иной раз специально юродствующим, но то, что он сделал для Церкви, для России, трудно оценить, настолько это грандиозно!

Кипарисы, зеленые свечи, нацеливаются в небо. Оно здесь близко. Выше только Русская Свеча!

Сердце так наполнено, что почти не вмещает новых впечатлений. «Целокупный образ вечно-вещей Палестины» — эти слова батюшки Антонина ближе всего к еще не устоявшимся переживаниям.

Приложились к могиле архимандрита Антонина в храме Вознесения, помолились «Скоропослушнице» и иконе «Взыскание погибших». Конечно, все паломники, по очереди распластавшись на полу часовни св. Иоанна Предтечи, опускали свои головы в

углубление, где, по преданию, лежала его честная глава.

Взяла с собою небольшие фотографические портреты алапаевских мучеников: великого князя Сергия Михайловича Романова, сыновей великого князя К.К. Романова — князей Иоанна, Константина, Игоря; князя Владимира Палея. У надгробия сестры Константиновичей, почившей в 70-е годы XX века, прошу игуменью Елеонского русского женского монастыря во имя Вознесения Господня Татьяну умолить Господа, чтобы найдены были останки ее братьев и близких, где-то затерянные под Пекином.

...Мой друг – Цзян Шанжун – китайский гражданин, живущий в Москве, когда рассказала ему об алапаевских мучениках, так проникся сочувствием к потерянным князьям, что увидел во сне, будто где-то под Пеки-



Шаббат! Святое время! Ни шагу вперед! Фото Надежды Смирновой

ном молодые, подтянутые офицеры собирают баулы, чемоданы, кофры и говорят между собою: «Наконец едем домой!». Как признался Шанжун, он вообще никогда не видит снов, а тут такое!!!

Миновали греческий монастырь Мужей Галилейских и вышли на каменистый склон. Слева монастырская ограда, за которой в глубине, за храмом Смертного Благовещения, находится надгробная плита захороненного здесь, у греков, игумена Серафима (Кузнецова), который привез в Иерусалим мощи великой княгини Елизаветы и ее келейницы Варвары. Этот участок земли, без растительности — пустой, принадлежит, по словам о. Романа, русским. Но, Господи, до чего же эта земля замусорена! Евреи грозятся отобрать участок, как ненужный нам.

Стали подбирать пустые бутылки, обрывки пакетов и прочее, но мусора так много, что за раз не управиться. Грустно уходить, хотелось бы, чтобы здесь была построена часовня как место почитания старца — игумена Серафима (Кузнецова). Более других это нужно нам, русским.

Едем по Западному Иерусалиму в монастырь Святого Креста. Наша поездка пришлась на субботу. В западной части Иерусалима живут религиозные

евреи – хасиды. На улицах пусто, коегде видны люди в черных костюмах и, несмотря на жару, в меховых шапках. Они облеплены маленькими детьми, по трое, четверо, а иные еще и с детскими колясками. Как пояснил о. Роман, в Израиле именно отцы занимаются воспитанием летей.

Но — шаббат!!! Мы его нарушаем, и перед автобусом возникает возмущенный еврей, который восклицает: «Шаббат, шаббат!», а затем, видя, что мы продолжаем двигаться, падает на колени, воздевая руки к небу. Мы, конечно, не хотели ничего нарушать, но время, отпущенное на наше паломничество, ограничено.

Наконец, монастырь Святого Креста. Едва протиснулись в узкую и низкую дверь. Уютный дворик перед входом. Церковь стоит над корнем того самого Древа, на котором был распят Спаситель. Ее построил в V столетии грузинский царь Дадиан, отчего монастырь еще называют Грузинским. Сейчас здесь греки, которым в XVII веке монастырь был передан за долги.

О. Роман рассказал, что во время персидского нашествия в 614 году все монастыри и храмы Иерусалима были разрушены, а Святой Крест – похищен из храма Гроба Господня. Персидский царь умудрился подарить его на день

рождения своей жене-христианке. Однако император Ираклий вернул Святой Крест обратно!

На одном из столпов, на фреске, – автор «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели с надписью на грузинском языке. Он укрылся в стенах этого монастыря, «замаливая» свою любовь к царице Тамаре! Портрет поэта с давних пор висит у меня дома, недалеко от письменного стола. Когда-то у нас на курсе учился грузин Ираклий, который был похож на Руставели на этом портрете. Теперь Ираклий живет гдето в Америке. Нужно помолиться о нем!

На стене в приделе Священного Древа, к которому можно прикоснуться через серебряное отверстие, запечатлена история вселенских святых. Авраам передал Лоту три сухие тросточки, что остались у него после посещения Предвечной Троицы. Авраам заповедал своему племяннику Лоту растить их во искупление греха с дочерьми, после бегства из Содома. Лот поливал их до тех пор, пока они не ожили и не выросли в одно причудливое древо — и кедр, и сосну, и кипарис.

Стали спорить по поводу того, почему обернулась жена Лота. О. Роман предположил, что, возможно, у нее был некий грех, который потянул ее назад. Мы подумали, что это женское любопытство, которое также часто приводит ко греху. Анна Ахматова сказала в стихотворении «Лотова жена», что дорого было ей, жене Лота, то счастливое время, которое провела она с семьей и любимым мужем в городе, обреченном на исчезновение:

Взглянула – и, скованы смертною болью.

Глаза ее больше смотреть

не могли;

И сделалось тело прозрачною

солью,

И быстрые ноги к земле приросли. Такое глубокое сопереживание женской судьбе по силе не каждому поэту: Лишь сердце мое никогда

nge moe nakoeoa

не забудет Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Пьем кофе! Грек, хозяин маленького кафе, подносит еще и свежий гранатовый сок.

Окончание в следующем номере

Игумен Варлаам (Борин)

Архиерейский автомобиль

Первая встреча, последняя встреча, Тихого голоса звуки любимые. И.С. Тургенев

В тот год Пасха была поздней, первого мая. За несколько месяцев до праздника я принял монашеский постриг и пребывал в блаженном состоянии. Не сказать, что я полностью отрешился от мира и стал принадлежать вечности, но время для меня перестало играть главную роль. Я не ждал какихлибо событий, в чем наиболее ярко проявляется текучесть времени, появления людей или, тем более, чудес. Самим чудом было мое состояние. Уж не жду от жизни ничего я, и не жаль мне прошлого ничуть, — вслед за поэтом мог сказать я.

Ивановская епархия в те времена славилась тем, что любой желающий мог принять монашеский постриг и рукоположиться во священника, надо было лишь попасть на прием к владыке Амвросию. Из-за любви к постригам его порой и звали за глаза «парикмахер». У владыки я никогда не был, о священстве всерьез не задумывался, а год назад приехал в Ермолино определиться, каким путем идти по жизни дальше. В скором времени я окончательно понял, что это монашеский путь. Остальное меня в тот момент не интересовало.

Дальнейшее не обсуждали мы и с отцом Антонием, после «парикмахерства» которого я стал называться монахом. Только однажды, когда ехали из Фурманова и шли пешком от Ренькова, он спросил, не хочу ли я взять какой-нибудь приход, как отец Петр, и служить там. Я ответил – кажется, даже слегка экзальтированно, что хотел бы остаться в Ермолине и трудиться на его благо...

Ну и остался, пребывая, как уже сказал, в блаженном состоянии.

Приезд владыки на Страстной неделе в Ермолино был неожиданным для всех. И для самого владыки, кажется, тоже. Он направлялся на другой приход, где служил священник, на которого было много жалоб, чтобы разобраться на месте. Однако настоятеля в селе не оказалось, и владыка проехал в Ермолино, хотя это совсем не по пути.

Переполоха большого, как мне кажется сейчас, не было. Все сели за стол,



Клавдия приготовила чай. О чем-то говорили. Я не проронил ни слова, поскольку чувствовал себя как ребенок за столом со взрослыми. Просто слушал. Потом владыка благословил всех и отправился в обратный путь, загрузившись в автомобиль «Волга» ГАЗ-24.

Я пошел в домик Фаины, куда она меня пускала на зимний сезон, уезжая в Иваново, и, несмотря на конец апреля, сезон в том году еще не завершился: ведь Пасха была поздней.

Монашеское делание, которым мне доводилось заниматься в свободное от послушания время, состояло из чтения духовной литературы и топки маленькой печурки, тепла которой хватало на весь Фаинин дом. Домик-то был совсем немного больше этой печки. Не успел я предаться любимому чтению, как прибегает ко мне отец Агафон и взволнованно говорит: «Отвези владыку в город! У него машина сломалась».

Послушание мне показалось весьма необычным, если не сказать странным, но, естественно, не подлежащим об-

суждению. Я оделся и пошел заводить «Запорожец».

Последние годы перед отъездом на ермолинский приход я жил в Ленинграде, ставшем вновь Петербургом, да еще и Санкт, а мой «Запор» оставался в городе Горьком, превратившемся к тому времени в Нижний Новгород. Когда я обрел новое место жительства, автомобиль нашел не только новое пристанище, но и нового хозяина в лице приходской общины. Я не переживал из-за этого, а даже был рад, что избавился от этого транспортного средства, и к водительству совершенно не стремился. Но если надо, то надо.

Поехали!..

Кто только ни ездил на этом, с позволения сказать, автомобиле! Даже всем известный ермолинский гонщик игумен Антоний! «На лошади́» в телеге ездить ему надоело, пересел на трактор Т-25, после чего освоил и «Запорожец». Однако езду и гонки вскоре забросил, увлекшись строительством ермолинского ковчега...

Проехав мимо щитового дома, который до недавнего времени был магазином, а в ближайшем будущем должен был превратиться в дом отца Андрея, я увидел застывшую в поле «Волгу». Рядом с ней – группа из трех человек: пытающегося определить неисправность отца Николая, стоящего в недоумении отца Иннокентия и взирающего на всё это владыку. Слева простиралось серое еще не тронутое трактором поле, принадлежавшее колхозу «Броневик», в шестидесятые годы получившему наименование в результате укрупнения хозяйств - «Заветы Ленина». Но как на «Броневике» не смогли проехать в светлое будущее, так и «Заветов» не смогли удержать. Сейчас поле заросло молодыми деревцами и кустарником, а кудрявую березу возле дороги на кладбище скосила молния...

Я распахнул дверцу, владыка немного опасливо посмотрел на новый «архиерейский» автомобиль брусничного цвета и... спокойно разместился на заднем сидении. Дело в том, что переднее правое кресло мы по какой-то нужде сняли и автомобиль оказался в самом деле архиерейским: владыка с удобством разместился, и посох, никому не мешая, лег рядом. Через две минуты мы выехали на трассу.

- Я думаю, вам надо быть священником, первое, что сказал владыка.
- Не знаю, «смиренно» ответил
 я, как духовник благословит.

Не хочу комментировать свой ответ: вызывающий (ставить духовника выше архиерея!) или глупо-смиреннический, но он был таков. Единственное, что могу сказать: не раздумывая, выпалил первое, что пришло в голову.

Всю дорогу мы с владыкой разговаривали... Уйдя в монахи, я оставил все творческие потуги, которые время от времени беспокоили меня в миру. И одна из обсуждаемых тем была о творчестве: совместимо ли оно с монашеством? Во время разговора я иногда поворачивал голову в сторону владыки, и он, как мне казалось, этим был не очень доволен. Все же водителю важнее смотреть на дорогу, а даже не на такое значительное лицо, как архиерей. Но никакого замечания замечательный и значительный пассажир не сделал.

Долго ли, коротко ли, «Запорожец» преодолел тридцать с небольшим кило-

метров. Хорошо, что не подвел, а то поломка двух автомобилей подряд – было бы чересчур. Ну а сломаться он мог вполне. Это с ним случалось нередко. В связи с чем вспоминается анекдот.

Едут на «Запоре» Хрущев и Кеннеди (уже смешно, не правда ли?). Вдруг мотор заглох. Выходят, открывают капот.

- Вот это да! удивляется Кеннеди. Даже у нас в Америке такого не бывает! Мотор на ходу украли!
- Ничего, отвечает Хрущев, у меня в багажнике запасной есть.

Наш мотор не заглох, хотя в багажнике «запасной» имелся, и мы достигли небольшого дома, в котором размещалось епархиальное управление, а заодно апартаменты владыки — комната, где он жил. Владыка пригласил меня в кабинет, достал из стола пасхальные открытки, поскольку в дороге я посетовал, что хотел бы поздравить своих близких с праздником, а открыток нет, подарил рубинового цвета стеклянные четки и на прощание сказал: «Я думаю, вам надо быть иеромонахом».

В Ермолине меня встретила, как принято говорить в таких случаях, немая сцена. За столом после ужина оставались отец Антоний и отец Агафон, ждали меня. Кто-то из них сказал: «Мы думали, ты с крестом на груди приедешь».

Они хорошо знали владыку!

Я рассказал о поездке, о предложении владыки и о своей реакции. На этом все закончилось... в тот день! Но, как пел Владимир Высоцкий, конец... еще не конец, конец — это чье-то начало. Через месяц, в день Николая Чудотворца, который совпал тогда с Неделей о расслабленном, новая жизнь началась для меня рукоположением в иеродьякона. А вскоре, на Вознесение, — в иеромонаха. Так расслабленный и грешный инок чудом Божией благодати превратился в служителя Бога Живаго.

Возможно, начало новой моей жизни немного задержалось бы, поскольку отец Антоний был не частый посетитель епархиального управления, но после Пасхи появился повод. Молодой семейный батюшка отец Андрей решил изменить свою жизнь, для чего переехать из Плеса, где несколько лет служил, в Ермолино. Тут-то владыка и поинтересовался у отца Антония:

- A что у тебя этот, Варфоломей-то, делает?

- Варлаам?.. деликатно уточнил отец Антоний. Я хотел бы, владыка, чтобы вы рукоположили его, но боялся, что переведете на другой приход.
 - А он сам как хочет?
- Говорит, что хотел бы остаться в Ермолине.

Смирение и уважение к личности любого было настолько велико у владыки, что он всегда учитывал интересы и желания этого человека. Поэтому владыка согласился и с моим желанием остаться, и отца Андрея перевести из Плеса в Ермолино. Таким образом, Ермолино обрело сразу двух новых священников и вскоре стало называться монашеской общиной. Магазин превратился не только в место жительства семьи отца Андрея, но и место серьезных разговоров ермолинских клириков.

- Пап, Христос воскресе! говорил двухлетний Савва из-за перегородки.
- Воистину воскресе, сынок! отвечал отец Андрей, и наша взрослая беседа троих продолжалась.

Вскоре отец Андрей построил новый дом, в котором иногда бывал и пел романсы владыка, ласково называя регулярно становившегося все более многодетным хозяина Андрюшенькой...

В заключение небольших этих заметок хочу сделать замечание. Всякие воспоминания о человеке, даже очень хорошем и значительном, всегда оказываются воспоминаниями и о самом себе, пишущем. С одной стороны, это легко объясняется нашим эгоцентризмом, с другой - все-таки это мои личные воспоминания о первой и, несомненно, судьбоносной для меня встрече с замечательным владыкой архиепископом Амвросием. Только о самом первом впечатлении я и хотел рассказать (оставляя за кадром ремарку, что далеко не каждый архиерей так смиренно принял бы предложение и тем более рискнул бы погрузиться в «Запорожец»). А то, что он был носителем евангельского духа, любящим отцом, молитвенником за всю епархию и бесконечно добрым человеком, думаю, и без меня знают все.

...Ну, а последняя встреча, вспоминая один из любимых романсов владыки, который вынесен в эпиграф?.. Надеюсь, что она впереди.

Иллюстрация Софии Липиной

23

Наталия Прохорова

Думающий человек не может не искать Бога



вестнам, особенно поколениям, воспитанным на советских фильмах, известна веселая комедия про ребят-беспризорников «Республика ШКИД». Картина поставлена по одноименной книге Леонида Пантелеева. Но жизнь писателя в действительности куда сложнее того, пусть и яркого, отрезка, что представлен на экране.

В фильме наш герой — образцовый гимназист, в одиночку ставший на защиту слепой старухи, у которой шпана крала лепешки. А в жизни — это Алексей Иванович Еремеев, детский писатель, получивший свое прозвище Леонид Пантелеев именно в ШКИДе. И вот парадокс: в колонии Алексей Иванович был одним из самых отпетых хулиганов, откуда, собственно, и прозвище — так звали одного из известных в те времена налетчиков.

Вне стен колонии, в детстве и во взрослой жизни, он искал Бога, жил со Христом в сердце, о чем и поведал в своем заключительном произведении «Верую». Эта книга воистину стала исповедью умудренного жизнью человека, который подводит итог своего существования.

Алексей Иванович не просто проводит читателя по этапам своей биографии, он анализирует: а был ли он хорошим христианином, а исполнил ли свое предназначение? И приходит к выводу, что нет, не был. Ибо в безбожные годы ему, по вполне понятным причинам, приходилось таить свою веру. Но мое личное мнение, что автор слишком строг к себе. Его вера была живой, искренней, чистой, деятельной. Впрочем, давайте вместе пройдемся по страницам «Верую».

Алексей Иванович Еремеев (Ленька Пантелеев) родился 22 августа 1908 года

в Санкт-Петербурге. Его отец был казачий офицер.

Никакой видимой душевной близости с отцом у меня не было, — писал Пантелеев. — О какой близости можно говорить, если, обращаясь к отцу, я называл его на «вы». Но образ отца я с гордостью и любовью пронес в памяти своей и сердце через всю жизнь.

Старший Еремеев пропал без вести в 1916 году, потом стало известно, что он умер. А воспитанием будущего писателя занималась мама, она же и приобщила его к православной вере.

Мать моя не была ханжой. Не бежала мирских радостей, в любом обществе слыла его душой, любила пошутить, посмеяться... Но при всем том — ни девочкой, ни девушкой, ни после замужества — не пропустила она, я думаю, ни одной субботней всенощной и ни одной воскресной обедни... А главное — во всех случаях, при всех житейских обстоятельствах наша мать оставалась убежденной, деятельной христианкой.

Благодаря матери детство Алексея было тесно переплетено с храмовой жизнью. Он поступил во 2-е Петроградское реальное училище, но не окончил его. Помешали революция, нищета, болезни.

Свою первую кражу будущий писатель совершил... в монастыре. Это было

в 1921 году. Еще три года назад он грезил монастырской жизнью по примеру Алеши Карамазова, и потому, ничуть его не оправдывая, можно представить, какие жизненные коллизии толкнули его на этот поступок. Еремеев в те годы серьезно увлекался Достоевским и попал впоследствии в колонию-школу, которая носила имя великого писателя.

После революции семья переехала в глубь России, где началась, по выражению писателя, убогая, вшивая, угарная, голодная и холодная жизнь. В своей исповеди он писал:

Будто в черную яму проваливаюсь, уже ничего святого нет в душе. Вместе со всеми ору: «Никто не даст нам избавленья: Ни Бог, ни царь и ни герой». Бога нет. Все позволено, все можно! Забыты заповеди Моисеевы, забыты заповеди блаженств. «Долой! Долой монахов! Долой, долой попов», — кричал я на первомайской и октябрьской демонстрациях.

Начало 1920-х годов было временем неистового, воинствующего безбожия писателя, и он даже под разными псевдонимами умудрялся выпускать антирелигиозные, кощунственные пасквили в газетах, о чем потом крепко сожалел. Но самым тяжелым грехом Леонид Пантелеев считал поступок, совершенный в ШКИДе, куда привела его воровская жизнь.

Пришел к нам, в IV отделение новичок, худенький, белобрысый и краснолицый мальчик Сережа Лобанов, как позже узнали мы, саратовский, из купеческой семьи. Не помню, в первый ли день или позже, кто-то обнаружил у него на шее ладанку.

- Что это?
- Это мне мама, когда я уезжал, повесила

Другие посмеялись, даже поиздевались u — отстали. A я — не отстал.

– Снимай! Показывай, что это?

Лобанов, вообще-то мальчик мягкотелый, безвольный, снять ладанку отказался. Тогда я накинулся на него, повалил на пол, сорвал этот мешочек, вспорол его. Там оказался маленький серебряный образок и горсточка родной, саратовской земли.

Что я сделал с этим мешочком и с землей — не помню. Но помню, как сидел на полу, раскинув ноги, Сережа Лобанов и горько плакал и размазывал слезы по лицу.

Екнуло у меня тогда сердце? Хоть на миг, хоть на секунду? Тоже не помню. Испытываю только жгучий стыд и позднее раскаяние.

Стыд за эту сцену был очень велик, именно поэтому, работая над «Республикой ШКИД», Пантелеев так и не решился включить сюжет о Сереже Лобанове в книгу, хотя глава такая в черновиках существовала.

Ситуация усугубилась еще и тем, что друзья, а несмотря на эту размолвку они стали друзьями, встретились позже, уже за стенами школы. И Ленька Пантелеев с ужасом обнаружил, что друг навсегда утерял веру в Бога, хотя неоднократно пытался посещать богослужения. Но вот этой детской, чистой, непосредственной веры вернуть так и не смог.

Тем не менее в судьбе самого автора этот случай послужил некой пограничной чертой, пределом, за который он уже не смел переступить, так как дальше только адская пропасть. Нужно было либо падать в нее, либо как-то выцарапываться наверх. Ленька Пантелеев выбрал второе.

Вот так сильный, жестокий поступок неожиданным образом приоткрыл дверь в сердце юноши. И свет Божественной любви вновь стал сочиться через образовавшуюся щель, расширяя ее, давая место более мощному потоку.

Я испытывал чистейшую и сладчайшую радость от всего, что меня окружало, от всего, что я видел, слышал, чем дышал и что чувствовал на Богослужении. А чувствовал я, да, уже в те годы, близость Бога. Вместе со всеми ты поешь «Верую» и веруешь. Не все еще понимаешь, но всей душой веруешь во Единого Бога Отца и Духа Святаго и в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божиего, и в воскресение мертвых, и во единую Соборную и Апостольскую Церковь.

В 1926 году Алексей Еремеев засвидетельствовал свои убеждения перед своим хорошим другом, известным драматургом и сказочником Евгением Шварцем всего одним словом, но каким! «Верую». Пантелеев закончил тогда писать «Республику ШКИД», и его пригласили в ленинградский Дом книги по поводу издания. Он стоял и курил в коридоре, когда из боковой двери типографии вышел Евгений Шварц и, проходя мимо Пантелеева, неожиданно спросил:

- Ты в Бога веруешь?
- Верую, ответил Ленька.
- Я тоже, сказал Шварц.

Поразительно, но вот это христианское побратание, эта сугубо личная тайна

связывала двух друзей целых 35 лет. Для современного человека это покажется несколько странноватым — ну поговорили два товарища о Боге, что тут такого примечательного. Однако напомню, что на дворе стоял 1926 год, издательство было подцензурным, геноцид против Церкви расцветал буйным цветом. И в такой атмосфере совсем еще юный Пантелеев и его редактор в двух словах поделились самым сокровенным, как говорится, рыбака увидел издалека.

Другие факты, что за долгие годы дружбы Шварц и Пантелеев говорили о вере, нигде не зафиксированы. Можно предположить, что таких бесед между ними больше и не было. Но некогда сделанные взаимные признания они берегли до конца своих дней. При этом Алексей-Леонид веру свою не скрывал, правда, и не афишировал, и не миссионерствовал.

По его собственному признанию, он считал себя дурным христианином. Редко ставил свечу на подсвечнике, и если и светила она когда-нибудь кому-нибудь, то очень слабым, отраженным светом. Этот грех, вместе со многими другими, десятки лет камнем лежит на моей душе.

Мне, как человеку XXI века, было стыдно читать эти строки. Стыдно, разумеется, за себя, не за писателя. Вдруг так ясно открылась истина, что вот он в те безбожные годы, вынужденный скрывать свою веру, намного более был верующим и гораздо откровеннее исповедовал свою веру, чем я и, возможно, многие мои современники, имеющие право свободно посещать церковь.

Как мы веруем сейчас, это отдельный разговор. А вот как веровал Леонид Пантелеев, что он чувствовал в храме, рассказать стоит, потому что это была очень глубокая вера, заслуживающая внимания.

Входишь из притвора в церковь, и глаза уже сами собой начинают косить: направо - налево. Кто здесь оттуда (из НКВД. – Н. П.)? Выискиваешь мужчин – не очень старых и специфического облика. О женщинах как-то не думалось – до тех пор, пока не появилась на моем горизонте эта шпионка в салопе. Косишься, оглядываешься... И вдруг делается стыдно. Осеняешь себя крестом, опускаешься на колени, делаешь земной поклон. И тут уже нисходит на тебя благодать и ты не думаешь (или почти не думаешь) о тех, кто рядом или за спиной. Ты уже молишься, ты с Богом, и тебе все равно, что будет: вызовут, сообшат. посадят... Много раз замечал я, что и на меня с опаской косится и оглядывается какой-нибудь дядька. А бывает — ты на него, он на тебя. Стоит, смотрит, слушает, а голова сама собой чуть заметно, на восьмую, на шестнадцатую оборота, поворачивается в твою сторону.

Но вот и на него нисходит... И ему становится невмоготу. Не желая знать о моем присутствии, он опускается на колени, молится...

Опасения Алексея Ивановича были ненапрасны, за ним следили, к нему домой приходили подставные лица с целью выудить компромат на кого-то или на самого себя. Например, был такой случай в 60-х годах.

Пришла к нему домой женщина, одетая точь-в-точь как старушка за свечным ящиком в храме того времени, в руках ридикюль, который она зачем-то открыла и больше не закрывала, по мнению писателя, там был магнитофон для записи. Стала задавать вопросы о несуществующем митрополите Николае. Но прокололась не на этом. В разговоре речь зашла о патриархе Алексии I, который в свое время был митрополитом Ленинградским и Новгородским. Будучи человеком нецерковным, женщина назвала владыку на светский манер, как это принято среди неверующих людей. Незваную гостью писатель и выгнал. Вот такая вот мелочь может свести на нет даже ловко разработанный план карательных органов времен СССР. Такие визиты были не редкость. Но в 60-х годах это было уже привычно и все-таки не так страшно, как в 30-х. А вот настоящую опасность Алексей Еремеев почувствовал после ареста его друга и соавтора «Республики ШКИД» Григория Белых.

В фильме про беспризорников он назван Григорием Черных (Янкелем). Белых так и умер в тюрьме, а вот Еремееву удалось избежать ареста. На протяжении всей жизни его неоднократно вызывали в органы и даже на короткий срок сажали, но не по религиозной линии.

Давно я приготовился и к тому, что, открыв однажды утром газету, увижу там подвальную статью с заголовком вроде: «Детский писатель с крестом на шее». Но вот мне уже под семьдесят, полвека я работаю в отечественной детской литературе, а такая статья не появилась. Вероятно, слишком рано я стал известным, слишком широко прошумела моя первая книга, чтобы могли решиться на такой шаг.

Но, по мнению писателя, была еще более веская причина такой удачи. В книге

«Верую» он неоднократно называет ее: он считал, что не был светильником, который, как говорится в Евангелии, ставят на подсвечнике. Мне же думается, что он несколько преувеличивает. Достаточно вдумчиво прочитать некоторые его повести и рассказы, как станет ясно, что дух православия эзоповым языком присутствует на страницах произведений. Давайте вспомним: «Честное слово», «Пакет», «Часы». Да и о публичном замалчивании веры можно говорить с большой натяжкой.

Показателен случай, произошедший в 1937 году. Советская власть проводила перепись населения. Цель — отчитаться об успехах борьбы с религией, поэтому главным вопросом анкеты была строка о вероисповедании. Не нужно долго гадать, чтобы представить, чем могла кончиться перепись для тех, кто укажет в означенной графе — православный. И все-таки указали! И не только Алексей Иванович Еремеев, но и многие его современники. Именно поэтому итоги переписи так и не были опубликованы. Но зато этот год был рекордным по числу арестов, расстрелов и отправленных в лагерь.

По мнению литератора, именно перепись того, рокового года была приобщена к делу, когда в 1941 году фашистские войска перешли границу СССР. Из итогов этой переписи возникло легендарное сталинское обращение к народу, начинающееся чисто по-христиански: «Братья и сестры!». И все последующие шаги по временному облегчению положения Церкви.

В сентябре 1941 года Пантелеева вызвали в милицию, где лишили ленинградской прописки и велели отправляться на Финляндский вокзал. Но суматоха предблокадных дней чудом спасла его, он остался в родном городе, но на волчьих правах, то есть не смог получить продовольственную карточку. Даже во время блокады милиция не оставляла его в покое. Через три месяца голода писатель почти не мог ходить, но именно тогда его все-таки посадили в камеру.

Алексею Ивановичу грозил расстрел, но Бог был на его стороне. Ибо всегда защищает верных Своих сынов. Чудесным образом караульный опознал в смертнике автора «Республики ШКИД» и помог сбежать. Писатель так и не смог узнать, как же звали того милиционера, спасшего ему жизнь, но до конца дней своих молился о нем Господу нашему Иисусу Христу.

В третьей стадии дистрофии (на языке врачей это уже предсмертное состояние) Леонида Пантелеева доставили в больницу. Он выжил.

Долго думал сейчас, как написать об этом. И вот решился сказать самыми простыми словами, не боясь, что слова эти прозвучат елейно и ханжески. Да, спасал Господь Бог, к Которому ежедневно и неизменно обращаюсь, и тем более во все трудные минуты жизни. Молился я, когда караульный милиционер ушел звать дежурного по отделению, молился, когда лежал парализованный на пороге своей комнаты, молился, когда дребезжащая машина скорой помощи везла меня полуживого в больницу. Разве не чудо свершилось в моей, казалось бы, угасающей жизни, когда скорая привезла меня не на Крестовский остров, как было сказано в путевке, а на остров Каменный, где главный врач, и сестра ее, и дочь, и племянник оказались моими читателями. Через месяи я уже мог ходить.

Спустя еще некоторое время, при деятельном участии Александра Фадеева (автор «Молодой гвардии»), Леонида Пантелеева переправили в Москву. И уже в столице Самуилу Яковлевичу Маршаку удалось добиться его реабилитации. Примечательно, что и Маршак тоже знал о вере Алексея Ивановича и в тяжкие часы наставлял его: «Молись! Молись!».

После войны писатель много работает, создает свои прекрасные произведения и женится на коллеге по литературному цеху Элико Семеновне Кашия. В 1956 году у них родилась дочь Мария. И нужно сказать, что именно девочка явилась очередной жуткой болью четы Еремеевых. И как ни трудно было Алексею Ивановичу говорить об этом, но все же он затронул этот вопрос в своей исповеди.

1950-е годы, когда родилась Маша, были временем жестокого хрущевского гонения на Церковь. Антирелигиозная пропаганда достигла таких размеров, что из верующих семей стали изымать детей. Приобщать ребенка в такой обстановке к Церкви означало поставить его против всего общества или, еще хуже, вообще лишиться собственного дитяти. Поэтому в раннем детстве Маше о Боге практически ничего не говорили, но так как сами Еремеевы были верующими, то со временем девочка стала задавать «неудобные» вопросы.

Рано или поздно все-таки ответить надо было. Но как это трудно — объяснить ребенку, почему мы, и тетя Ляля, и такие-то верят в существование Бога и многие великие люди верили — Толстой, Достоевский, Гоголь, Гюго, Диккенс, обожаемая ею Ахматова, а школьная учительница говорит: «Бога нет». И подруги, вероятнее всего, неверующие. И чем

мы отличаемся от других, почему нам надо скрывать нашу веру в Бога?

В какой-то час объясняешь, пытаешься объяснить. Трудно ли представить, что делается после этого с душой ребенка... Какой сумбур, какое удивление, какая непосильная для ребенка задача: решить, кто же прав — любимые родители или не так, но все-таки тоже любимые... подруги, пионервожатая, классная руководительница?!

На лето семья Леонида Пантелеева уезжала в Литву, где было много верующих католиков, да и вообще к вероисповеданию там было отношение проще. Вот там девочка, не таясь, с удовольствием ходила в православный храм, отстаивала службу, молилась. А осенью нужно было возвращаться в Ленинград, в школу, где не с кем было поделиться сокровенным, рассказать о самых ярких летних впечатлениях. Вот так из года в год, изо дня в день надламывалась молодая душа.

Уже студенткой Маша оказалась в психиатрической больнице, где провела более полутора лет. Алексей Иванович болезненно винил в себя в этом и часто задавал себе вопрос: «Что лучше: здоровая и безбожница или больная, но верующая?» И со всей откровенностью сам же отвечал: «Если третьего не дано — лучше второе». День и ночь молил он Бога о ниспослании здоровья своей дочери, об укреплении ее веры, о том, чтобы сохранил Господь ее на путях Своих. Но, к сожалению, Маше не суждено было жить долго.

Сам Алексей Иванович умер в 1987 году, похоронен в Ленинграде на Большеохтинском кладбище. Его дочь скончалась через три года и была положена рядом с отцом. Подводя итог своей жизни в книге «Верую» Леонид Пантелеев писал:

И все-таки я не могу не считать себя человеком счастливым. Да, жизнь моя пришлась на годы самого дикого, самого злого, жестокого и разнузданного безбожия, всю жизнь меня окружали неверующие люди, атеисты, в юности было несколько лет, когда я и на себе испытал черный холод безверия, а между тем я считаю, что мне всю жизнь самым чудесным образом везло...

И уже в самом конце исповеди писатель дает рецепт этого потрясающего везения и простого человеческого счастья.

Молюсь и утром, и вечером, и днем, и перед работой, и после работы. И каждую молитву свою – и утреннюю, и вечернюю, и дневную – заканчиваю главными, первейшими словами из молитвы Господней: «Да будет воля Твоя!».



Страстной монастырь. Акварель Ф.И. Ясновского. 1877

Выдающаяся итальянская актриса Элеонора Дузе с блеском играла на лучших сценах Европы, успешно гастролировала в Северной и Южной Америках. В начале XX века актерская судьба привела ее в Москву. Как-то она оказалась на Тверском бульваре. Ее внимание привлек силуэт монастыря. Через несколько лет актриса напишет в воспоминаниях: «Я никогда не была ни в одной православной церкви, а эта привлекала к себе какой-то непонятной сумрачностью. Было видно, как одна за другой в воротах исчезали неясные женские фигуры. И я последовала их примеру. Если бы вы только знали! Это было настоящее колдовство. Богослужение, по-видимому, уже закончилось, и только в одном приделе два голоса пели, очень высоко и совсем тихо. Я спросила моего спутника, что это за песнопение. Он ответил что-то о славе Божией Матери. Прислужницы в черных одеждах с закрытыми лицами гасили свечи. Пахло ладаном. И эти голоса... Это тут я дала себе слово начать читать по-русски, именно здесь и именно в этот час...».

Монастырь, который произвел на Элеонору Дузе столь сильное впечатление, получил свое название от чудотворной Страстной иконы Божией Матери. Этот образ, славящийся исцелениями больных, именуется так потому, что на нем рядом с Пресвятой Богородицей изображены два ангела с орудиями страданий — страстей Христовых — копьями и Крестом.

Предание, связанное с этой иконой, повествует, что в старину в селе Палицы Нижегородской губернии жила некая одержимая крестьянка Екатерина. Моля Божию Матерь об исцелении, она дала обет уйти в монастырь. Но, получив просимое, забыла, как это часто с нами бывает, о данном обете. И только новое, суровое напоминание пробудило в ней и память, и совесть. Она в точности выполнила наказ: нашла указанного ей иконописца, автора иконы Божией Матери, горячо молилась перед образом, после чего окончательно избавилась от болезни. С тех пор у этого образа Божией Матери начали совершаться многие чудеса и исцеления.

Неудивительно, что эту чудотворную икону было решено перенести в Москву. И 26 августа (по новому стилю) 1641 года ее торжественно и благоговейно

встречал государь Михаил Федорович Романов со свитой и духовенством на главной московской улице - Тверской. В ту эпоху она называлась Царской. На месте встречи иконы, у Тверских ворот Белого города, царь велел «возградить церковь камену» во имя Страстной иконы, и праздник ей определили в тот августовский день, когда икона была торжественно доставлена в Москву. А в 1649 году набожный царь Алексей Михайлович повелел основать тут Страстной девичий монастырь. Он и подарил дореволюционное название площади Тверских ворот - Страстная, а потом и местному бульвару. Свое старомосковское имя Страстная площадь носила до 1932 года.

Судьба Страстного монастыря складывалась непросто. Уже в середине 1770-х годов обитель сильно пострадала в результате крупного пожара — выгорело практически все, кроме Боголюбской иконы и образа Иоанна Воина, написанных на стенах. По указанию императрицы Екатерины II Страстной монастырь был восстановлен.

Новое бедствие пришло в 1812 году – солдаты наполеоновской армии расположились здесь на постой. Н. Розанов, ав-

тор исследования «История московского епархиального управления», писал: «В 1812 году при нашествии французов игуменья Страстного монастыря Тавифа с сестрами оставалась в монастыре. 3 сентября неприятели ворвались в соборную церковь и ограбили ее. У святых ворот расстреляли 10 человек, тела их висели трое суток. 4 сентября ворвались в обе церкви и всё в них ограбили. Нижнюю церковь обратили в магазин, в келиях поселились гвардейцы. Игуменье позволили жить на паперти, через несколько дней дали келью. Церковь заперли, никого в нее не пускали. Через несколько дней прислали парчовые ризы и прочее нужное для службы, дозволили служить. Службу совершал монастырский священник Андрей Герасимов. Монастырское имущество было разграблено».

Впрочем, враг ушел довольно быстро, жизнь монастырская наладилась. При обители поселился один известный юродивый, о котором историк Пыляев писал: «В Страстном монастыре проживал... монах Евсевий (скончавшийся в 1836 году). Это был тогда самый популярный юродивый в Москве. Он отличался вполне безупречною жизнью и... был славен особливо по великому терпению разных поношений и биений от не понимавших его сокровенной духовной жизни...

При отпевании и несении тела его из Страстного монастыря до Симонова многие тысячи народа окружали и сопровождали гроб его. Над прахом его было сказано, что в его лице "было видимое торжество веры и нищеты духовной, которая славнее и величественнее всякого блеска богатых и сильных земли"; это надгробное слово говорил известный в то время проповедник архимандрит Мельхиседек».

В 1855 году появилась знаменитая колокольня Страстного монастыря — одно из наиболее узнаваемых и любимых архитектурных сооружений. Проект колокольни разработал замечательный московский зодчий, идеолог историзма в архитектуре Михаил Доримедонтович (Дормедонтович) Быковский. Читатели «Лампады» с многолетним стажем знают, что он же — автор проекта храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине.

Архитектурный облик обители не оставлял равнодушными писателей и поэтов. Иван Бунин любовался «сиреневыми главами Страстного мона-



Памятный камень на Пушкинской площади. Лето 2015

стыря». И утверждал, что тот «сияет». А в стихотворении Марины Цветаевой «Тверская» монастырь розовел:

Все поймем мы чутьем или верой, Всю подзвездную даль и небесную ширь!

Возвышаясь над площадью серой, Розовеет Страстной монастырь.

Сестра Марины Ивановны Анастасия вспоминала: «За руку с мамой я вхожу в Страстной девичий монастырь. Он в начале Страстного бульвара. Широкие серые каменные плиты. Прохлада. Тишина. Высокие потолки. Длинная галерея ведет мимо церкви, запертой. Мы идем к монашенке, по делу. Что-то о белье. Жадно вдыхаю я незнакомый мир монастырский, чью-то жизнь, такую иную, чем моя. Силуэт колокола. Гулкость шагов по каменным ступеням. Желтое лицо монахини. Ее келья... Этот день запомнился навсегда».

Бунин писал в рассказе «Ида»: «Завтракали мы в этот день до одиннадцати часов вечера. А после поехали к Яру, от Яра - в Стрельну, где перед рассветом ели блины, потребовали водки самой простой, с красной головкой, и вели себя в общем возмутительно: пели, орали и даже плясали казачка. Композитор плясал молча, свирепо и восторженно, с легкостью необыкновенной для его фигуры. А неслись мы на тройке домой совсем утром, страшно морозным и розовым. И когда неслись мимо Страстного монастыря, показалось из-за крыши ледяное красное солнце и с колокольни сорвался первый, самый как будто тяжелый и великолепный удар, потрясший всю морозную Москву, и композитор вдруг сорвал с себя шапку и что есть силы, со слезами закричал на всю площадь:

Солнце мое! Возлюбленная моя!
 Ура-а!».

Монастырь для Бунина был символом душевной чистоты.

Поклонникам Пушкина хорошо знакомы эти строки:

Пошел! Уже столпы заставы Белеют; вот уж по Тверской Возок несется чрез ухабы, Мелькают мимо будки, бабы, Балконы, львы на воротах И стаи галок на крестах...

С большой долей вероятности можно предположить, что этих галок Александр Сергеевич заметил именно на крестах Страстного монастыря. Львы же, разумеется, с усадьбы Хераскова-Разумовского, построенной архитектором Жилярди почти напротив монастыря. «...Будто окаменевшие вельможи, переваривающие лукулловский обед», - писал о них легендарный русский журналист Владимир Алексеевич Гиляровский. Благодаря «дяде Гиляю» мы можем получить некоторое представление и о том, как выглядела местность, окружавшая Страстной монастырь: «Нарышкинский сквер, этот лучший из бульваров Москвы, образовался в половине прошлого столетия. Теперь он заключен между двумя проездами Страстного бульвара, внутренним и внешним. Раньше проезд был только один, внутренний, а там, где сквер, был большой сад во владении князя Гагари-



Преподобная Параскева, игумения Топловская. Ее земной подвиг начинался в Страстном

на, и внутри этого сада был тот дворец, где с 1838 года помещается бывшая Екатерининская больница...

Продолжением этого сада до Путинковского проезда была в те времена грязная Сенная площадь, на которую выходил ряд домов от Екатерининской больницы до Малой Дмитровки, а на другом ее конце, рядом со Страстным монастырем, был большой дом С.П. Нарышкиной. В шестидесятых годах Нарышкина купила Сенную площадь, рассадила на ней сад и подарила его городу, который и назвал это место Нарышкинским сквером».

В 1880 году напротив Страстного монастыря в начале Тверского бульвара поставили памятник Пушкину работы А. Опекушина, сооруженный на народные деньги. Монумент поэту был открыт и освящен при большом стечении народа, а в Страстном монастыре прошло богослужение в память о «болярине Александре». Московские старожилы говорят, что, когда на Страстную площадь рабочие везли пьедестал памятника, при повороте на Тверскую им встретилась бедная похоронная процессия с гробом Анны Петровны Керн, которой поэт посвятил стихотворение «Я помню чудное мгновенье». И будто бы лошади, тащившие пьедестал, почтительно остановились, уступая дорогу возлюбленной поэта

Среди игумений и сестер Страстного монастыря было немало тех, кто оставил заметный след в истории Русской Православной Церкви. Особенно хотелось бы отметить игуменью Евгению (Евдокию Николаевну Озерову). Она управляла обителью с 1875 по 1890 годы (до своей кончины). При ней в обители был основан приют для сирот-болгарок, пострадавших от Русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

По своему происхождению игуменья Евгения принадлежала к старинному дворянскому роду. В числе ее родственников был Владислав Озеров, создатель первой национальной трагедии «Димитрий Донской». Двоюродными сестрами доводились Е.Н. Озеровой княгиня Ольга Александровна Шахов-

ская (основательница Зарайской Гефсиманской об-И Елена Александровна Ни-

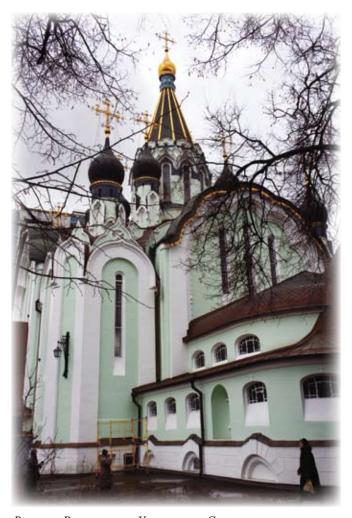
лус. Из рода Озеровых происходила и последняя игуменья Московского Новодевичьего монастыря Леонида (Озерова).

щины)

После революции Страстной монастырь постигла участь. печальная Вначале ОН был осквернен «передовыми» пролетарствующими художниками, которые кощунственно расписали его стены, потом, в марте 1919 года, упразднен. Одно время общежитие студентов Коммунистического университета трудящихся Востока соседствовало там с последними монахинями, еще ютившимися в своих кельях, затем обитель передали Центральному архиву. В 1928 году ее окончательно ликвидировали, и с 1929 года в стенах бывшего монастыря открылся Центральный антирелигиозный музей - типичная метаморфоза в духе советской власти. Страстную площадь переименовали в Пушкинскую, Тверскую - в улицу Горького. В 1937 году Страстной монастырь был полностью снесен - на улице пролетарского писателя и буревестника революции места ему уже не было. К счастью, главная святыня обители, чудотворная Страстная икона Божией Матери, сохранилась до наших дней - ныне она находится в церкви Воскресения в Сокольниках, на левой, северной стене Петропавловского придела.

P.S. В 1950 году памятник Пушкину перенесли на другую сторону площади, развернули на 180 градусов и поставили на то место, где прежде стояла колокольня Страстного монастыря.

К сему: ваш Архивариус



В храме Воскресения Христова в Сокольниках можно поклониться главной святыне уничтоженного монастыря – чудотворной иконе Божией Матери «Страстная»

Александр Шпагин

Начало начал

Поиск Бога в советском кинематографе конца 60-х – начала 70-х

исатель Всеволод Бенигсен верно заметил: когда смотришь фильмы 60-х, такое ощущение, что Бог из-за каждого угла может выйти. Да, действительно, шестидесятники открывали Бога по наитию, сами не зная о том. Да и о самом Боге ничего не зная – атеистами же были.

Может, потому и свою богооставленность так остро осознали в конце эпохи — в экзистенциальном кино («Долгая счастливая жизнь», «Крылья», «Короткие встречи», «Июльский дождь» и т. д.) — когда почувствовали свое отделение и от теплого коллективного тела, и от советской идеологии. Растерялись. А Бог меж тем был (как всегда) уже рядом. Интуитивно они Его чувствовали, но не осознавали, как к Нему подобраться.

Некие, крайне робкие попытки предпринимались. Иногда выводя на экран фигуру священника, иногда обходясь без нее. В так называемых «антирелигиозных» лентах начала 60-х («Тучи над Борском», «Грешница», «Чудотворная» и т. п.) с религией борются... показывая тоталитарные секты. Вроде бы правильно делают, да не очень. Ибо думают, что таким образом сражаются с религией как таковой. А получается нечто иное, а иногда даже прямо противоположное их намерениям.

В изящной ленте Б. Бунеева «Конец света» священник представлен в

виде хорошего интеллигентного парня в исполнении С. Любшина. В спорах с «отцом» тоталитарной секты он ему явно проигрывает — тот оказывается подкованнее и умнее. А проиграв, отправляется вечером с женой на ночной пикник, где начинает лихо отплясывать рок-н-ролл. Этому герою авторы явно симпатизируют: неглупый, симпатичный, обаятельный. И им прямо-таки хочется ему сказать: «Слушай, парень, да скидывай ты, наконец, эту рясу, иди к нам — будем вместе рок-н-ролл плясать и всякие там буги-вуги».

Однако «в рясе» они его все-таки оставляют – он просто уезжает из своей деревни... на повышение. А сама деревня уже полностью оказывается в лапах того самого руководителя тоталитарной секты. Правда, и с ним тоже все непросто — он бывший лишенец, когда-то раскулаченный, убежавший из лагеря, а теперь вот придумавший стать «отцом» — не от хорошей жизни и не из жажды реванша коммунистам, а так... ну вот просто случай подвернулся. Мы видим: авторы прощают и его.

А уж священники на экране постепенно и вовсе превращаются в своих в доску парней. Герой Е. Евстигнеева в «Молодо-зелено», бывший фронтовик, а теперь поп, активно содействует строительству молодого сибирского города, изрекает правильные мысли да еще и подбадривает юных героев, что «неверие их прискорбно, хоть и вполне объяснимо, а истовость духа похвальна». То есть как бы обнаруживает в них неких своеобразных соратников по вере. Таким образом шестидесятники говорят нам с экрана: да, наше построение новой прекрасной жизни социализма с человеческим лицом под псевдонимом «коммунизм» тоже религиозно, но мы теперь будем строить не так, как отцы свой «город-сад», - обойдемся без мук, страданий, жертв и гекатомб... сиречь без диавола. Ни о каком конкретно диаволе речь не шла, но внутренний посыл был именно таков. Еще один священник - из «Королевы бензоколонки» и вовсе уж настолько весел, что везде рассекает на мотоцикле, шутит, острит да явно и выпить не дурак.

Даже не попутчиками выходят эти священники, а самыми настоящими шестидесятниками. Во всяком случае, авторам они явно симпатичнее представителей власти. Там все больше чинуши да «совки» (правда, непременно во



«Конец света» «Молодо-зелено»

главе с правильным секретарем обкома или райкома, который в финалах лент появлялся, как «бог из машины» — чаще всего из «Волги», — и расставлял все по местам, справедливо казня и милуя), а попы — ну просто уж такие хорошие, уж такие свойские, что... м-да... в общем, одно непонятно, почему же они все-таки остаются не в центре жизни боевой-кипучей, а где-то на обочине ее: в какой-то там церкви, вместе с жалкими бабушками и тетушками. Ибо других прихожан на экране 60-х не появляется.

Один шестидесятник (правда, не очень правильный, и это симптоматично) попытался на своей свадьбе заехать с невестой в храм («Утренние поезда» Ф. Довлатяна и Л. Мирского), а та ему говорит: «Ну зачем? Не надо! Ты же не веришь!». Он и раздумал. Авторы с невестой явно согласны, но абсолютно не знают, верит ли она и вообще хорошо это или плохо – верить. Смысл сей сцены только в одном: не надо фальшивить. Главное – быть искренним. Пусть даже и таким, как те бодрые батюшки из шестидесятнических фильмов.

Решается зайти в храм и другой герой – Н. Михалкова в «Я шагаю по Москве». Нет, не потому, что помолиться решил: ищет хозяйку собаки, которая путает граждан. В церкви наш герой страшно робеет, но хозяйку всетаки находит. И чего, казалось бы, он туда зашел? Ну вырежи сцену из фильма – многое ли изменилось бы? Может, и ничего, однако авторы – опять-таки интуитивно? – сцену с храмом в фильм

вводят. Не оттого ли, что сама картина — это путь в обретении веры? Правда, не церковной, а той самой, о которой священник из «Молодо-зелено» говорил: «Новой! Новой веры. Веры в воистину прекрасное светлое будущее». И на дороге к ней младошестидесятники вместе с авторами фильма Г. Шпаликовым и Г. Данелией производят самый настоящий отбор в свой будущий «храм». Отделяют агнцев от козлищ. Или, точнее, от козлов.

Ну вот того неприятного дядьку, что на героя Михалкова в метро наезжает, явно в свой будущий рай не возьмем противный, неприятный совок, на таких прошлый сталинский строй и держался, вечно желают свою мелкую власть проявить. И того, что нотации читает на улице, желая пересажать всех хозяев оставшихся без присмотра собак, - тоже. Да и персонаж Р. Быкова, которого герои решают напугать в парке, тоже нам не подходит – пусть он и интеллигент, но какой-то совсем уж жалкий: такого всегда легко сломать и вообще любые веревки из него вить можно. А «мы бодры, веселы», нас не сломаешь. Вон 30-летняя женщина с зонтиком идет (И. Скобцева), и, судя по всему, с любовного свидания, - и это очень хорошо! - ни дать ни взять истинный свободный человек, наш человек. Вот мы ее попросим позвонить с таксофона, чтобы подозвать человека к трубке другим голосом, - конечно, она не откажет, она ведь наша и тоже пойдет с нами строить наш общий рай. Только рай-то этот уже не «город-сад» и даже

не строящийся молодой сибирский мегаполис, а это рай иной – рай духовный. Мы его пока в конкретных очертаниях не видим, но он уже здесь. Где-то здесь, где-то с нами. Как и Бог. Потому и войти в некий, пусть и крайне робкий, но все же диалог с подлинным храмом – заглянуть в него и, пусть аккуратно, стороной, по обочине, но все-таки проскользнуть, чуть зафиксироваться там - не повредит. Пожалуй, стоит попробовать. Хоть храм сей и населен одними какими-то малопонятными старушками. Вот куда их девать в нашем будущем раю, совершенно непонятно - наверно, все равно скоро вымрут. Что тогда станется с самой церковью, мы тоже не знаем, но нас туда как-то подсознательно тянет. Сами не знаем почему.

А знать уже пора бы. Только что знать – полная загадка. Но где-то должен появиться ответ, где-то должен. Он и появляется. На советском экране первое религиозное произведение – фильм Н. Москаленко «Журавушка».

Признаться, я смотрел его три раза и он мне нравился, только я никак не мог понять, каков же в нем смысл. Фильм явно вел меня и куда-то приводил, только я не мог понять куда. А выяснилось, что все вполне просто, лежит на поверхности, только я и сам оказался в положении шестидесятнического зрителя: мне даже в голову не могло прийти при первых просмотрах, в какую же сторону смотреть.

Смотреть надо было именно в сторону Бога. Ибо перед нами в одеждах





«Журавушка»

зрительской народной мелодрамы предстает подлинная религиозная притча, где советский человек впервые выходит не на привычный ему социальный, но на метафизический простор своего существования. Авторы обращают свой взор ввысь. И помогает им в этом не кто иной, как священник. Только здесь он поставлен в центр повествования и почти каждый сюжетный поворот, каждая коллизия так или иначе через него проходит, так или иначе осмысливается через его отношение к происходящему. А главное, убери его - и весь фильм стал бы менее понятным, суть и сверхзадача его исчезли бы. Был бы он снят метафизично, артхаусно, состоянчески, конечно, и священник не потребовался бы, но подобным образом нарративные, реалистические истории в 60-е снимать еще не умели, тут же не «тени забытых предков» какие-нибудь, а реальные, земные люди. В 70-е так снимать научатся. тогда и стилистика притчи возобладает, а с ней и метафизичность появится. Но 60-е слишком открыты миру, в реалистическом кино они еще не знают «второго», иного языка, работающего на внутренний смысл сюжета, на его авторский художественный образ.

Но все же давайте попробуем священника из фильма убрать. Что остается? Очень грустная и немного странная история про молодую женщину, живущую в послевоенной деревне и истово хранящую верность погибшему мужу. В героиню влюблен председатель колхоза, влюблен только в нее одну, и никто ему больше не нужен. Да и он ей нравится, однако она не может ответить ему взаимностью, ибо верность для нее становится своего рода исполнением какого-то одного, до конца не понятного ей самой духовного завета — просто не

может иначе, и все. И это всех в деревне раздражает – колхозники готовы записать ее в гулящую, шалаву. Действительно, больно чудно выходит: столько мужиков к ней клеится – и что, всем отказ? прям вот всем? Да не может такого быть! – значит, какая-то тут явная тихая сапа живет, какую-то свою «конспирологию» плетет.

Меж тем никакой «конспирологии» нет – героиня действительно совершает свой духовный обряд, род подвига. Ибо перед нами нормальный советский мир, лишенный религиозных опор, а значит, и нравственных. И все с этим свыклись, все живут. А героиня не может, не получается у нее жить в этом безопорье, и заменой Богу здесь становится даже не погибший муж, а именно исполнение такой вот своеобразной епитимьи. Тем более что перед нами не какая-то зажатая и жалкая «монашка», а совершенно нормальный, веселый, живой человек. что и подчеркнуто авторами. Может быть, единственный, кто - и именно благодаря своему подвигу - несет в этом деревенском мирке подлинный свет души.

И пока председатель искренне недоумевает и грустит по поводу их отношений и тщетно ждет в надежде, что время залечит раны героини, единственный, кто ее по-настоящему понимает, - священник. Но священник тут непростой, и не зря его играет Г. Жженов – главный исполнитель ролей правильных советских руководителей. От священника исходит внутренняя сила стоицизма и уверенность в собственной правоте. Неслучайно он так раздражает председателя - тот и уважает его (а такого трудно не уважать), и постоянно норовит вступить с ним в спор: хватит, дескать, Леонид Трофимович (а иначе он его не называет) отбивать у нас колхозников своей церковью, а тот ему в ответ: «Я не отбиваю, они сами ко мне идут, и идут за необходимой нравственной опорой». Председатель: «Но наша опора – коммунизм!». А священник: «Это идеологическая опора, а не нравственная». Доспорить они не могут.

Так вот, если этого Леонида Трофимовича из фильма выкинуть, то получится просто история про женщину, зачем-то разрушившую свою жизнь и свое счастье. С ним же весь сюжет обретает очертания духовного поединка за душу человеческую, причем поединка внутри мира, лишенного онтологических опор, но уже подсознательно их взыскующего. Да, героиня находит опору интуитивно, остальные же в деревне живут как придется, но неслучайно они к отцу Леониду тянутся и неслучайно это время - послевоенное, а значит, прошедшее крестный путь, ибо, как спел когда-то Е. Летов: «Не бывает атеистов в окопах под огнем». Это время, подсознательно почувствовавшее уже нечто большее - где старый энтузиазм вечной борьбы, энтузиазм 30-х, уже перестает работать, как раньше. И вот уже появляется подлинный стоик, который заново воссоздает внутренне почти разрушенный – в том числе и трагедией войны – советский атеистический мир. Пусть в рамках одной отдельно взятой деревни. Тогда становится понятно, что соблюдение героиней своего странного поста, своего глубинного завета превращается в перевоссоздание своего бытия - в одухотворение его иным, горним светом, высшим онтологическим сознанием.

А председатель этого так и не понял, и вот прошли годы, он давно работает в городе и приезжает к героине на свадьбу ее сына. Сам так и не женился, да и



«Деревенский детектив»

«Июльский дождь»

на извечный вопрос свой так и не смог ответить: почему же его счастье с ней не состоялось? Совершенно иное ощущение жизни в финале фильма у героини – пусть многое и не сложилось, но жизнь состоялась в главном — она обрела глубинный смысл, ибо завет исполнен.

Получается, что наш герой, бывший председатель, пал жертвой подвига героини. Что ж, может, и так, ибо не понял он до конца ни ее, ни того, о чем ему говорил отец Леонид. Его искренне жаль, но в том-то и дело, что перед нами пусть хороший, правильный, справедливый, но глубоко советский человек, а значит, в основе своего сознания ущербный. И фильм это состояние выявляет, к финалу воистину приобретая черты религиозной притчи. И, конечно, основой всему тут проходящий сквозь ее ткань образ отца Леонида.

Это еще не появление Бога на советском экране, но приход в советский мир Его подлинного слуги – человека, выполняющего религиозную миссию. Выполняющего не навязчиво и не клерикально, а в подлинном диалоге с миром – диалоге на понятном сему миру языке, а значит, лишенном какого-либо разрушительного начала.

Появление в 60-х фигуры священника именно в пространстве деревни неслучайно. Город как-то совсем обезбожился, впал в состояние глубочайшей экзистенциальности и тоски, уже никакие «шагающие по Москве» его не спасали. А деревня вдруг - и именно через те самые «тени забытых предков» - заявила о себе как об особом микрокосме, в котором могут и духи, и бесы появиться, и вообще все что угодно-самые причудливые существа. Они, конечно, повылезали из доличностного мира, из языческого, но все же явно из какого-то иного - не из советского. И их легче повернуть в сторону любой онтологии, любой метафизики – тем более что и советский мир 60-х в глубине своей тоже был доличностен. Точнее, еще полагался на коллектив как на духовную опору – правда, коллектив хороший, насыщенный предельно интересными и яркими личностями, но все же коллектив. А как только на самих себя полагаться стали, то и оказались в космосе печальнейшего экзистенциализма, пронзительно осознав выпадение из советского мифа, а значит, и из рода. В деревню можно было вернуться в поисках этого утраченного чувства причастности к единому пространству – правда, оказывался ты там именно среди теней, фантомов, все в том же безопорье, но хотя бы овеянном некой иной, горней мифологией.

Эти два мира — язычески-сновидческий, но при том нацеленный исключительно на притчеобразное осознание реальности, вертоград и нашу советскую нормальную шестидесятническую деревню — надо было как-то связать. Во всяком случае, очень хотелось. И оказалось, что сие вполне возможно. Вот уже и отец Леонид в «Журавушке» возникает, скрепляя собою мир. Но то священник. А можно ли альтернативного бога найти? Нашего, советского?

Ага. Отыскался. И мгновенно стал любимейшим персонажем во всех слоях населения. Им оказался участковый Анискин из фильма И. Лукинского «Деревенский детектив», а потом продолживший свое шествие по экрану еще в трех фильмах — «Анискине и Фантомасе», «И снова Анискине» и в менее известном «Разводе по-нарымски».

Почему же, собственно, этот вполне себе скромный участковый вдруг занял пустующее место Бога? Стал его своеобразным эрзацем? Потому что всеведущ – ему изначально всё известно про жизнь своих односельчан, прошлую и настоящую. Потому что спокоен и легок - он никогда ни на чем не настаивает, он лишь как будто подталкивает каждого к нужному для него выводу, раскрывает его душу, и без всякого давления. Потому что справедлив и объективен - он ищет истину (пусть самую элементарную - например, кто украл клубный баян) и всегда готов к пониманию и признанию собственных ошибок. именно поэтому никогда не ошибается. Потому что ироничен - на все он смотрит с лукавым пришуром Джоконды, ибо ему ведомо что-то большее. Наконец, потому что несет свет - нет, даже не свет добра, не так уж он добр, слишком многое он в жизни понимает, всю ее подноготную чувствует, чтобы быть просто добрым, - а здравомыслия. Но именно какого-то глубинного, всепроникающего.

Вот тут уж точно кажется: убери его – и деревня опустеет, ибо его свято место никто другой заполнить не способен. Больно простоваты все и мелковаты. А он далеко не прост и отнюдь

не мелок. Он ставит мир на место, корректирует его, придает ему правильные очертания для нормальной жизни, а значит, превращает быт в бытие. Возвращает пошатнувшееся равновесие. Причем, делает это ненапряжно, размеренно, никуда не торопясь, с чувством абсолютной внутренней уверенности ибо мастер, ибо подсознательно знает какой-то глубинный код бытия.

Правда, бытие это чисто советское. Ни о каких метафизических смыслах тут никто не говорит — это вам не отец Леонид. Да и само бытие нарочито снижено авторами — так всё, заботы да треволнения, колхоз как колхоз, и лишь иногда происходит какая-нибудь неприятная ерунда: ну баян в клубе украли, ну местная мо́лодежь Фантомасом страх на сельчан наводит, ну мотоцикл у кого-то сперли! Ан вот не ерунда, ибо в нормальный мир вторгаются какиеникакие, а бесы — значит, надо им указать их подлинное место, чтоб сидели тихо и не высовывались.

А мир вокруг действительно хорош! - никаких перестроек не надо. Живут себе колхозники, поживают под мирным советским небом - лучше любых капиталистов - полное равенство кругом и уверенность в завтрашнем дне! И чего нам всякие непонятные Запады - мы сами с усами, да и вообще никто лучше нас не живет, ну лишь только порой нечисть всякая баян или что другое покрадет, ну так на то у нас и свой местный бог, наш Анискин. В общем, перед нами дивная пастораль, настоящий рай земной. И пока там город чтото мутит-баламутит и какие-то евреи подают документы в ОВИР, мы живем счастливо, отлично живем.

Но авторы, кажется, сами недовольны таким благолепием. И им немного надо их Анискина «очернить» – сиречь усложнить. Дать ему какие-то недостатки. И вот он вдруг принимается в негодовании учить свою дочку жизни — чтобы немедленно сняла свою «мимо-юбку» и задом по деревне не виляла. Начинает вдруг орать, кулаком по столу стучать. Фу.

Чудовищно неорганично это выглядит. Причем, у любого другого персонажа проходило бы на ура. Но Анискин-то не совсем персонаж, а бог. Только авторы сами до конца это, похоже, не осознают.

Окончание в следующем номере

Вадим Рутковский <u>Памятные адреса</u>



Графский дом на Воздвиженке

одобно сказочному ларцу, дом Шереметевых на Воздвиженке хранил в себе множество сокровищ. В нем находилось русское знамя Полтавской битвы, вещи князя Вяземского, жилет Пушкина, пробитый пулей Дантеса, веера Прасковыи Ивановны Ковалевой-Жемчуговой, чашечка императрицы Елизаветы Петровны, картина Рембрандта «Христос, Мария и Марфа» и книги, книги... Этот особняк чудом сохранился до наших дней. Его история — это история жизни нескольких поколений славного графского рода. Сегодня мы пролистаем некоторые ее страницы...

В большой семье Шереметевых свято чтили одну дату – 27 июня. В этот день в 1709 году русские полки, руководимые императором Петром I, разгромили армию шведского короля Карла XII. Накануне сражения Петр, облачившись в мундир гвардейского офицера из темно-зеленого сукна с красными обшлагами, обратился к своим воинам с кратким, но весьма проникновенным словом: «Вам известно, что кичливый и прозорливый их король войску своему расписал уже в Москве квартиры; генерала своего Шпарра пожаловал уже губернатором московским и любезное наше Отечество определил разделить на малые княжества и, введя в оное еретическую веру, совсем истребить. Оставим ли такие ругательства и презрение наше без отмщения?».

Не зря государя Петра Алексеевича Романова прозвали Великим. Он отлично знал душевные свойства и характер своих подданных — ничто так не вдохновляло и

не сплачивало русских людей, как борьба с теми, кто оскорблял веру их отцов и мечтал уничтожить родную отчизну. Эти особенности национального духа в равной степени были присущи и фельдмаршалу и рядовому солдату. Среди доблестных участников Полтавской битвы был славный представитель рода Шереметевых, замечательный русский полководец граф Борис Петрович Шереметев.

Бой грянул ранним утром, в третьем часу, когда было еще темно. План сражения тщательно разработал сам Петр I, продумав до мелочей все детали предстоящей схватки, тем самым предопределив ее победоносный исход. Оставив за собой общее руководство войсками, государь назначил главнокомандующим опытного Бориса Петровича Шереметева — на тот момент ему было 57 лет, возраст для военачальника весьма солидный и зрелый. Перед сражением царь сказал ему: «Господин

фельдмаршал, поручаю вам армию мою и надеюсь, что в начальствовании оною вы поступите согласно предписанию, вам данному, а в случае непредвиденном — как искусный полководец». Полководец не подвел своего государя...

Именно он, Борис Петрович Шереметев, в той долгой войне, получившей название Северной, открыл серию побед над грозными шведами. Первая значительная победа была одержана в самом начале 1702 года. Шереметев во главе 17-тысячного корпуса напал на шведского генерала Шлиппенбаха и наголову разбил его крупный отряд у деревни Эрестфер, неподалеку от Дерпта. Здесь полегла половина шведского войска. «Мы можем, наконец, бить шведов!» - воскликнул Петр, получив донесение Шереметева. Царь щедро наградил победителей, отметив всех - от солдата до командующего. Александр Данилович Меншиков по поручению Петра вручил Борису Петровичу орден святого апостола Андрея Первозванного и извещение, что ему присвоено звание фельдмаршала. В 1703 году Шереметевым был взят неприступный Нотебург (древнерусский Орешек), расположенный на острове у выхода Невы из Ладожского озера. Высокие стены толщиной около двух саженей, возведенные у самой воды, многочисленные пушки, господствовавшие над обоими берегами, превращали Нотебург в мощную неуязвимую цитадель.

Когда Нотебург был взят, царь каламбурил: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно свое дело исправила». Орешек – Нотебург Петр переименовал в Шлиссельбург (городключ), подчеркивая ключевое положение этой крепости на Неве, открывавшей путь в неприятельские земли.

Граф Борис Петрович Шереметев был сильным имужественным человеком с крепким характером и закаленным личностным стержнем. «Боярд» – так называл его Петр, то есть надежный, благородный. Однако фельдмаршал всегда сохранял с царем официальные отношения, не позволял себе фамильярностей, как Меньшиков или Апраксин. Попадая в компанию молодых сподвижников царя («младореформаторов» – на современном политическом жаргоне), Борис Петрович дипломатично и ловко избегал буйных застолий, не поклонялся «Ивашке Хмельницкому», не участвовал в веселых разгулах.

При всей своей лояльности и преданности царю-реформатору Борис Петрович Шереметев был личностью совершенно иного плана, нежели персоны, составлявшие ближайший круг Петра Алексеевича Романова. Его отличала особенная русская закваска, неразрывно связанная с православием. Детство и юность будущий фельдмаршал провел в Киеве. Там он учился в духовной академии, изучал греческий и латынь, неплохо говорил на польском. Шереметев был знаком с отцом будущего святителя Димитрия Ростовского сотником Киевского полка Саввой Туптало.

Будучи человеком мудрым и гармоничным, граф Шереметев глубоко впитал в себя разносторонние европейские знания. Вместе с тем он, именитый боярин, имел прочные московские корни, любил и чтил древние обычаи. Так что Восток и Запад уживались в нем вполне естественно и органично. Крепкий это был человек, и память о себе оставил крепкую, прочно сплотившую многочисленных членов огромного клана Шереметевых. Двести с лишним лет Шереметевы торжественно и шумно отмечали победу в Полтавской баталии. По семейной традиции каждый год 27 июня они собирались на праздник в роскошной усадьбе Кусково под Москвой. В 1918 году порядок был нарушен – и не только в усадьбе, но и во всей стране. Кусково национализировали, придав ему статус музея. Поэтому победу в Полтавском сражении и память фельдмаршала Б.П. Шереметева стали отмечать в красивом доме на Воздвиженке, который по непонятным причинам новая власть «рабочих



От фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева пошел славный графский род

и крестьян» еще не успела отобрать у законных владельцев. У этого дома счастливая судьба: он сохранился до наших дней. И мы можем не только познакомиться с его историей, но и внимательно осмотреть — по крайней мере, с внешней стороны.

Сегодня адрес этого дома звучит так: улица Воздвиженка, дом 8/1. Несколько тяжеловатый на вид, но довольно красивый, с классическими очертаниями, типично московский особняк расположен на пересечении Воздвиженки и Романова переулка, который до революции сменил несколько названий: Никитский, Хитров, Разумовский, Шереметевский. При советской власти с 1920 по 1994 годы Романов переулок назывался улицей Грановского. Напротив места, где стоит особняк, когда-то было подворье Крестовоздвиженского монастыря. Здесь в 1703 году фельдмаршал Борис Петрович Шереметев соорудил себе деревянный дом - по преданию в его строительстве участвовал сам Петр I. Через некоторое время вместо него возвели величественное каменное строение. По некоторым данным автором его проекта был знаменитый зодчий Николай Александрович Львов - выдающийся энциклопедист XVIII века, музыкант, поэт, инженер, собиратель народных песен, разносторонне одаренный человек. Среди прочего на его авторство косвенно указывает элегантная ротонда - неотъемлемый элемент фирменного стиля Львова, присущий большинству его светских и храмовых зданий. Новое сооружение было приобретено Кириллом Григорьевичем Разумовским, которого в 1746 году императрица Елизавета Петровна назначила президентом Академии наук. К слову сказать, Кирилл Григорьевич доводился родным братом Алексею Григорьевичу Разумовскому, преданному фавориту и, предположительно, тайному законному супругу Елизаветы Петровны.

Сын Кирилла Григорьевича граф Алексей Разумовский женился на Варваре Петровне Шереметевой. Супруги жили в Москве в доме на Воздвиженке. У них особняк приобрел Николай Петрович Шереметев для своей молодой жены Прасковыи Ивановны Ковалевой-Жемчуговой — талантливой актрисы-самородка крепостного театра Шереметевых в усадьбе Кусково. История любви графа и его крепостной актрисы в те годы всколыхнула весь высший свет. Она и сегодня продолжает волновать умы и души историков, театральных деятелей, писателей, поэтов и миллионов простых неравнодушных людей.

Николай Петрович доводился внуком сподвижнику Петра І полтавскому фельдмаршалу-герою. Сын храброго полководца Петр Борисович отправил своего даровитого отпрыска учиться в Европу. Сам же отобрал в своих вотчинах способных к музыке и танцам мальчиков и девочек. К возвращению молодого графа из Парижа в Кускове уже вовсю ставились пьесы. Крепостные артисты танцевали, пели, и были они «ликом приятны, станом стройны, видом не гнусны». Молодой граф привез танцоров из Парижа, итальянских певцов из Рима, книги по театру, а знаменитый декоратор Пьетро Гонзаго принялся за преобразование кусковского парка. По четвергам и воскресеньям москвичи и окрестные жители стекались сюда на бесплатные представления, и директор московского театра Медокс жаловался, что Шереметевы отбивают у него зрителей.

Выражаясь современным языком, Николай Петрович Шереметев в одном лице был и продюсером, и художественным руководителем, и директором, и главным режиссером, и сценаристом. Он сам тщательно отбирал и назначал актрис. Сам разучивал с ними роли. Был в курсе европейских театральных новшеств, выписывал из Европы ноты Гретри и Люлли, Паизиелло и Монсиньи, Глюка и Моцарта. Что касается Вольфганга Амадея, то, по имеющимся данным, гениальный австриец неоднократно получал существенную материальную поддержку от Николая Петровича Шереметева.

Под крылом Н.П. Шереметева выросло целое поколение высокопрофессиональных крепостных актеров, музыкантов, художников, танцоров, композиторов. Крепостной композитор Степан Дегтярев сочинил несколько знаменитых распевов, первую русскую ораторию «Минин и Пожарский» и другие произведения для хора. Мастер Батов ювелирно изготовлял прекрасные



В церкви прп. Симеона Столпника тайно венчались граф Шереметев и актриса Прасковья Жемчугова

струнные инструменты: балалайки, гитары, скрипки. Свои незаурядные таланты показывали крепостные в резьбе по дереву; в Шереметевском театре они усовершенствовали сложнейшую механику театральной сцены, имитирующую дождь, ветер, гром. Наконец, широко славилась и капелла Шереметевых.

Крепостная актриса Прасковья Ивановна Жемчугова имела огромное влияние на графа. Не раз вступалась она за дворовых и крепостных людей, давала Шереметеву мудрые, практичные советы. Невысокого роста, темноглазая, с кротким выражением лица, обладавшая прекрасным голосом, способным укрощать жестокие сердца, она сочетала в себе необычайную женственность с гордостью и несгибаемостью. Ко всему прочему она была в высшей степени религиозна.

Николай Петрович Шереметев как-то признался, что в избраннице сердца его пленили больше, чем внешняя красота, «украшенный добродетелью разум, искренность, человеколюбие, привязанность к святой вере и усерднейшее богопочтение». 6 ноября 1801 года граф Николай Шереметев и Прасковья Жемчугова, которая всего лишь за три года до того получила вольную, тайно обвенчались в церкви преподобного Симеона Столпника на Поварской улице, которая находилась на некотором расстоянии от их нового зимнего дома на Воздвиженке. Молодые супруги явно не хотели привлекать к себе постороннее внимание - именно этим можно объяснить и выбор ими храма для венчания (домовая церковь Шереметевых в честь иконы Божией Матери «Знамение», в отличие от Симеоновского храма, находилась фактически напротив особняка на Воздвиженке). Свидетелем жениха стал известнейший историк Москвы А.Ф. Малиновский; его отец, священник Троицкой церкви у Сретенских ворот, был духовником графа. А свидетельницей невесты — другая русская актриса, Татьяна Шлыкова, тоже выступавшая в крепостном театре Шереметевых. Храм Симеона Столпника чудом сохранился до наших дней, в нем регулярно совершаются богослужения.

А вот дом Шереметевых на Воздвиженке имел все шансы уйти в небытие. К началу 40-х годов XX века он изрядно обветшал. До зловещего 1938 года в его роскошной гостиной-ротонде и прилегающих к ней комнатах проживал с семьей Валерьян Федорович Переверзев - советский профессорлитературовед, основатель одного из направлений марксистского литературоведения (так называемая переверзевская школа). Часть дома использовалась под склады продуктового магазина, в другой разместилась парикмахерская. В левом крыле доживали век уплотненные наследники графской семьи Шереметевых. Одна из них, переводчица Ольга Геннадьевна Шереметева, автор воспоминаний «Обыск на Воздвиженке», подробно освещающих драматические события в Москве в 1918 году.

Первым браком Ольга Геннадьевна была замужем за потомком брата фельдмаршала — Борисом Борисовичем Шереметевым. В 1941 году она, как и другие оставшиеся на свободе и не эмигрировавшие из советской России Шереметевы, не пожелала эвакуироваться. Когда начались бомбежки Москвы, потомки славного рода дежури-



Церковь иконы Божией Матери «Знамение» – домовый храм рода Шереметевых

ли на крыше дома, тушили зажигательные бомбы. В один из налетов творению Львова пришлось выдержать самый тяжелый удар истории — на него упала бомба, в левую его часть, туда, где в это время находилась Ольга Геннадьевна Шереметева. Здесь, на пороге дома, она и приняла смерть.

История дома Шереметевых на Воздвиженке весьма поучительна для людей верующих, особенно — православных. Практически всех Шереметевых отличали глубокая религиозность, искренняя и чистая вера в Бога, смиренное принятие всех тягот жизни. Они не были святыми, но свое безграничное доверие к Творцу всего сущего лаконично и емко выразили в своем родовом девизе: «Бог сохраняет всё!».

Этот девиз оказался пророческим и вещим. Удивительно, но восстановлены практически все дворцы, созданные Шереметевыми. Живы и служат народу Кусково и Останкино. В знаменитом Фонтанном дворце в Санкт-Петербурге (в нем умерла супруга Н.П. Шереметева Прасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова) работают музей музыки и музей Анны Ахматовой. Непостижимым образом сохранилась церковь Симеона Столпника - по плану строительства Калининского проспекта (ныне улица Новый Арбат) она должна была быть снесена. Восстановлена Знаменская церковь на Шереметевом дворе – домовый храм рода. Отреставрирован и особняк Шереметевых на Воздвиженке. Он твердо стоит на самом видном месте в окружении более поздних и ультрасовременных построек, напоминая всем нам о непреходящей красоте и ценности человеческих отношений, веры, надежды, любви и преданности своему Отечеству.

Православное мироощущение всегда современно



Людмилой Владиславовной Кононовой* мы договаривались о встрече, когда она летела в самолете на очередные гастроли, а я ехала в метро домой. Человек, казалось бы, вольной профессии – артист, авторисполнитель, она себе практически не принадлежит: все отдает своему делу и зрителям и, разумеется, дому, семье. Может возникнуть вопрос: а как же вера, Церковь, что достается им? А это – ее естественное состояние, в котором всегда пребывает и она сама, и всё, что ее окружает. Договориться о встрече все же удалось.

Юлия Камагина

- Бо́льшую часть вашего репертуара составляют авторские, то есть собственные, песни. Я обратила внимание на строку в одной из них в «Зеркале». Вы поете, что не сожалеете о «веселой молодости нищей». В чем ее нищета? Ведь ваша молодость прошла в богоугодных делах, а это уже богатство.
- Совершенно верно. Я имею в виду нищету духа, как о ней говорит Христос в Нагорной проповеди: блаженны нищие духом. Но я называю молодость еще и веселой. И это тоже правда.
- Что же тогда вызвало у вас такие чувства?
- В 1989 году мы с мужем уехали в город Уржум восстанавливать

Троицкий собор. Это в 420 километрах рот: она наполнила нас. Под Уржу-

от... Кирова. Нас пригласил мой друг, священник, который был настоятелем этого храма. Год мы занимались этой работой. Надо ли рассказывать православным людям, что такое восстанавливать церковь своими руками? Жили мы в обычном деревенском доме. Во дворе колодец, русская печь, ведра, дрова. Стирали в бане. Цикл стирки занимал больше суток. Я, горожанка, впервые начала таскать ведра, топить печь. Моя задача была кормить всех, кто восстанавливал собор. Скажу о главном. Мы думали, что приедем на эту землю и будем наполнять ее своим присутствием. А получилось наобомом есть село Шурма. Там когда-то жила блаженная Сашенька Шурминская. Вы бы видели храм, в котором находились мощи этой святой! До сих пор не могу забыть, как нас там встречали бабуленьки. Церковь с выбитыми окнами. На улице холодно. И страшно холодно внутри от пола, с которого в советское время содрали плиты. А как нас там встречали! Бабушки стелили под ноги половички, принесли валенки. Во время молебна залетают три голубя и садятся на разбитые Царские врата, точнее на их остов. В разрушенных храмах есть какая-то призывающая благодать, ее чувствуют даже люди, оскудевшие душой.

- В вашем «Зеркале» есть и об этом. Я услышала в ней многоголосье состояний разного возраста. Она - о внутреннем мире, который так же строился, как храм: по кирпичику похожими трудами и с сердечным призывом к христианскому возрождению. Я права?
- Абсолютно! Спасибо, что вы услышали и это.
- Я почувствовала, что вы запнулись, произнося название города Киров. Вам оно не нравится?
- Для меня Киров всегда был и останется Вяткой. Как и вся эта земля – Вятский край, а не Кировская область. У меня с именем этого пламенного революционера не связано ничего хорошего.
- Это в вас говорит русский па-
- Я бы не сказала. Патриотическая позиция – это какая-то выделенная надстройка. Все и проще, и сложнее. Мы с вами корнями уходим в нашу землю, телом пребываем в этом срединном мире, а благодаря молитве устремляемся к Небу. Получается некая вертикаль. А патриотическая позиция - это скорее политическая ниша. Я же говорю о целостности русского человека от пяток до макушки. Это – родовое, корневое осознание себя на этой земле в потоке мировой библейской истории, куда включена и Россия. А Киров? Что – «Киров»? Партийная кличка

^{*} Автор-исполнитель, член Союза писателей России, лауреат многих конкурсов в культурном пространстве православного мира, награждена медалью «Всенародное покаяние» за вклад в дело прославления святых Царственных Страстотерпцев. Также награждена медалью «Память Великой войны» (Первая мировая война 1914-1918 гг.). В 2010 г. награждена серебряной медалью Преподобного Сергия Радонежского. Член жюри конкурса авторской песни.

С.М. Кострикова. Старинный русский город не должен носить партийную кличку. Убеждена, что «Вятка» — это знак Божией власти над этим местом.

– Может, когда-то к городу вернется его историческое название?

- Очень хотелось бы! Например, усилиями батюшки Александра Балыбердина и его сподвижников удалось восстановить прежние названия нескольких центральных улиц: теперь у нас снова есть Преображенская, Казанская, Спасская... А на Спасской восстанавливается прекрасный Спасский собор, в котором находилась чудотворная икона Спаса Нерукотворного. Ее потом перевезли в Москву, и так получила название Спасская башня. А переименовать целый город – очень сложный вопрос. У нас на референдуме спросили: «Хотели бы вы, чтобы город Киров назывался Вяткой?». Большинство, причем молодежи, ответило: «Мы родились в Кирове и хотим жить в Кирове». Может, повзрослеют, поумнеют... Но, с другой стороны, прошлое со временем все больше становится прошлым... Но вы вслушайтесь: само название - Вятка! Сразу родное, теплое, сразу - ты дома! Чудо какоето! А у меня вообще такое ощущение по всей России.

- Вам, наверное, приходилось бывать и за рубежом. Чувствовали тогда оторванность от Родины?

- За границей бывала. Например, с концертами во Франции. Один из них проходил под стенами собора Парижской Богоматери. Зрители в основном эмигранты третьей волны: те, кто выехал из Украины, Молдавии, из России в годы перестройки. Давала концерты в Чехии, Болгарии, Черногории в сербском монастыре у подножия горы покаяния Румии. Могу сказать, что русское слово по-настоящему востребовано только в России. Всетаки больше всего мы нужны здесь. Поэтому оторванность от родной земли ощущалась.
- Вот мы и подошли к той части разговора, которая мне особенно интересна. Александр Николаевич Вертинский один из главных героев ваших программ, человек с многолетней эмигрантской биографией. Я понимаю вашу любовь к его твор-

честву и вообще к нему: он в какойто мере образ ушедшей России. Но разве это интересно современному обществу?

- Когда готовилась к концерту, в помещении, где я находилась, присутствовала моя дочь. Я работала над песней Александра Николаевича на стихи Анны Ахматовой «Сероглазый король». Произведение из Серебряного века: томное, в духе того времени. В полумраке с белым лицом печального Пьеро он выходил на сцену... Я беру гитару, пою эту песню и не без волнения спрашиваю: «Доченька, как думаешь, надо включать это в мою концертную программу?». Она говорит: «Конечно, мама, надо!». А она сама человек музыкальной культуры. Правда, современной, казалось бы, очень далекой от Серебряного века. Но я слышу от нее: «Обязательно, мама!». Если у человека есть хоть какой-то поэтический слух и он по-настоящему интересуется историей родной страны, для него прошлое устареть не может. Как могут устареть строки того же Николая Туроверова: «Мне Сам Господь налил чернила и приказал стихи писать»?! Это всегда будет современно, поскольку всегда будет православное мироощущение. Я убеждена, что это проявится и в наших детях. В России невозможно жить без Бога.
- Ваши герои передач на радио «Радонеж» Анна Ахматова, Александр Вертинский, Борис Пастернак, Арсений Несмелый. Почему именно они?
- А вы посмотрите, какой была их жизнь. Через какие только искушения они не прошли!.. Николай Гумилев прожил недолго, но это был подлинный страстотерпец. В их жизнях, как в чистой, незамутненной воде, отражаются и наша история, и национальный характер народа. Неслучайно идея этих программ родилась на Бутовском полигоне. Я иногда сопровождаю туда паломнические группы. По дороге читаю отрывки «Реквиема» Анны Ахматовой. Сожалею, что не могу пригласить в свою передачу Марину Цветаеву. Она, несомненно, великий русский поэт, но человек очень противоречивый. В ее жизни разбираться и разбираться, а я - не историк, не филолог,

не богослов. Все поэты Серебряного века заигрывали с тьмой, только кто-то потом это осознал и отошел. Кому-то было дано понять опять же через скорби. Кто-то смирялся, а у кого-то не хватило сил.

- Поэт и вера они часто вступали в противоречие. Не могу не вернуться к Вертинскому. Конечно, он был и крещен, и воспитан в вере. Но, по вашему ощущению, в дальнейшем он от нее отошел или нет?
- При чем здесь ощущения? Есть факты. Александр Николаевич всегда, во всех поездках, даже вернувшись на Родину, а это было в годы Великой Отечественной войны, ставил на гримерный столик икону своего небесного покровителя – святого Александра Невского. Одни из последних стихов Вертинского начинаются так: «Я всегда был за тех, кому горше и хуже...». Разве это не слова христианина? Он обращался к своему другу поэту: «Что ты пишешь о каком-то соцстроительстве, ты же поэт». Александр Николаевич говорил ему: «Ты должен славить мир, созданный Творцом». Ахматова во всех эвакуациях вывозила Корсунскую икону Божией Матери - их венчальный с Гумилевым образ. Анна Андреевна никогда не расставалась с Евангелием. То время совсем было другим. Нельзя было явно соединяться со Христом, участвовать в таинствах. И тем не менее многие, очень многие, говоря языком Евангелия, не стыдились Его. Как же не верить, что и Господь их не постыдится?
- Вертинский стал чуть ли не третьим собеседником в нашем разговоре. А о втором, то есть о вас, мы почти забыли.
- А что обо мне говорить? Меня благословили заниматься тем, чем я занимаюсь, в 2000 году. С тех пор объездила всю Россию. Сибирь, Север, Ухта, Сыктывкар, Воркутинская епархия, юг и, конечно, Центральная Россия Ярославль, Кострома... Когда с Украиной отношения еще были нормальные Запорожье, Донецк, Днепропетровск. В Белоруссии была... Многое даже не вспомнить. Приходилось бывать на разных приходах, в селах, деревнях. Физически это очень тяжело. Ехать, скажем, несколь-

ко суток в поезде, и не в СВ, а потом давать концерт. Что делать? Только смиряться. За это получаешь такие награды, видишь таких людей! Они перед тобой так раскрываются! И потом, ты каждый раз едешь через огромную нашу страну. В этой скромности, не бросающейся в глаза красоте ощущается Божие присутствие. Помните фильм «Золушка»? Когда ее встречает принц. И он спрашивает, не устала ли она в дороге? Золушка отвечает ему: «Что вы! В дороге я отдохнула!». Это – и про меня. Это - мое детское счастье. Я уже уехала от всех забот, а к новым еще не приехала. В дороге я могу думать, читать, пить чай, могу писать. Многое из моего репертуара создано именно в дороге, причем лучшая часть. Раньше каждый раз в дорогу со слезами собиралась. Говорила: «Господи! Опять мне это! За что мне это? Опять собираться!». Сейчас уже привыкла. Разные, конечно, бывают ситуации. И пьяные встречаются. Однажды с освободившимися бандитами из Воркуты ехала. Еще был случай: ехала с бабушкой. Ее родственники привели, быстренько посадили и убежали. Ей 95 лет. Поначалу у меня было такое возмущение! В результате я начала заботиться об этой бабушке: постель ей стелить, ноги поднимать, чтобы она легла, что-то приносила для нее. Но я была вознаграждена такой детской душой! Она интересные вещи мне рассказала. Например, поведала, как на всю жизнь вылечить радикулит народными средствами. Расставалась с ней с огромным сожалением. И такие подарки судьбы бывают! Нигде ты этого не встретишь и не увидишь! Однажды мне Владимир Крупин сказал: «Русский писатель должен ездить на верхней боковой полке у туалета». Иногда думаю: может, пошла бы лучше на клирос петь? Но Бог дает то, что дает. Еще лет десять назад роптала. У меня трое детей. Но вы, пожалуйста, не думайте, что я их бросала ради концертов. У нас был очень теплый дом. Я пыталась выстроить в нем ту Россию, которую люблю, которая ушла. Дети выросли в творческой атмосфере. Сейчас все принимаю, не ропщу. Говорю: «Благослови, Господи!». Сегодня у нас с вами серьезная беседа. Отдохнуть хотелось бы, а у меня концерт. Говорю: «Господи, благослови, там ведь люди ждут». Но ситуации бывают разные. Например, приезжаю в Пермь, там я родилась. Отключили электричество, огромный неотапливаемый ангар, аудитория собралась. Что делать? Пришла, попросила людей сесть чуть поближе. Начала петь как могла. И Господь дал мне силы! С такими ситуациями сталкивалась не раз. У меня постоянная готовность работать в любых условиях. Так меня воспитали в Пермском институте искусств, где получила режиссерское и актерское образование. Педагоги нас воспитывали в таком уважении к зрителю, что на сцену ты можешь не выйти только, если мертвый или при смерти. А если температура 38,9 – обязан выйти, если даже три человека в зале.

– Вы как-то сказали, что ваш сын присылает фотографии из Ки-тая. Он эмигрировал?

- Нет-нет! Просто решил мир посмотреть. Выехал из Казахстана, проехал Китай, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Малайзию, Таиланд, Индонезию, Гонконг, Сингапур. Большинство стран автостопом. Везде устраивался на работу, находил жилье. Длилось путешествие семь с половиной месяцев.
- Дай вам Бог и дальше радовать слушателей и зрителей своим творчеством. Думаю, у читателей «Лампады», как и у меня, после беседы с таким укрепленным в вере человеком возникнет вопрос: ведь вы полностью, что называется, советский человек: и родились, и воспитывались в безбожное время и такая вера. Откуда?
- У меня старый, благочестивый род. Мой прадед, Яков Спиридонович Бабаев, был купцом второй гильдии в Казани. На средства его многочисленной семьи под Казанью еще до революции был построен храм. Рядом с храмом прадед построил приходскую школу, где сам и преподавал. У Якова Спиридоновича было 17 оставшихся в живых детей. Все всё умели, все работали. В 1932 году семья была выслана с теми многими тысячами страдальцев, которые попали под высылку и раскулачивание. К тому времени семья еще разрослась,

потому что появились внуки. Понадобился целый вагон, чтобы вывезти всех, правда, это был вагон для скота. В начале апреля их выгрузили в голой степи Южного Урала. Благодаря тому, что они многое умели, они выжили. Именно с холодных землянок ссыльных начинался город Магнитогорск, которого в 1932 году еще не существовало. Моя мама родилась на каторге в апреле 1937 года, а в августе ее отца взяли с огромным числом других мужчин. Все они попали в расстрельные списки - мой дед и множество еще достаточно молодых, большей частью верующих, работящих мужчин. Мама рассказывала мне, как на советской каторге, играя на улице с детьми, она видела проходящие мимо подводы с расстрелянными. Тела были прикрыты, только ноги болтались. Мама мне это постоянно рассказывала. Ей необходимо было еще и еще раз проговаривать этот ужас. Я и выросла под эти ее рассказы. В 1949 году на советской каторге погибла бабушка. Мама оказалась в советском детском доме. Она голодала до 19 лет, причем в такой степени, что едва осталась жива. Один духоносный пастырь мне сказал, что у моего рода была жертва. Думаю, речь шла о построенном прадедом храме. Это первый факт. Второй – молитва рода. А третий - они все умирали по-христиански. Все эти три факта помогли мне дорасти до церковного порога. Когда мне было 18, мое сознание спас Иван Алексеевич Бунин. После института мне было дано поездить по Пермской и Кировской областям с творческими бригадами. Ежедневно я повсюду видела поруганную красоту разрушенные храмы. Этого было так много, что передать состояние могла только поэзия. Так в 1984 году родилось стихотворение, начинающееся словами:

А двери с петель сорваны.

А над крестами – во́роны.

Это и еще одно — «Благодарю Тебя, Господь, мы вышли из тоннеля!» — я могу назвать моими ступенями к воцерковлению. Приглашаю всех на мои концерты. Там вы всё про меня поймете.

- Благодарю вас за беседу!
- Храни вас Господь!



И смотреть, и слушать Спектакль к 30-летию историко-этнографического театра

евозможно, погрузившись в народную музыку любого народа, не захотеть узнать о ней еще и еще. В таком положении оказался художественный руководитель историко-этнографического театра Михаил Мизюков, когда он решил к 30-летнему юбилею коллектива сделать как бы географический портрет театра— спектакль-концерт на основе музыкальной культуры тех европейских стран, где довелось побывать, участвуя в фестивалях или на гастролях: Грузии, Испании, Польши, Германии, Голландии, Франции, Болгарии, Кореи.

Труд нелегкий, но и радостный, волнующий, потому что каждые отобранные временем народная песня или танец — это не прихоть или творчество одного человека, а кем-то точно подхваченная черта народа, его занятий, движений, ритма жизни, языка, которые потом передаются из поколения в поколение. Вот и получился целый музыкальный спектакль из восьми картин-путешествий, как раз по всем странам, где побывал коллектив.

Вот, например, Грузия, с которой начинается музыкальное путешествие. Открывается оно кахетинской рождественской песней «Алило». Это не только название песни, так называется и празднование Рождества в Грузии. Не так давно праздник Алило, известный с V века, стал возрождаться в разных проявлениях. Например, в столице Грузии Тбилиси – в традиционном рождественском шествии, которое начинается на площади Роз и идет через весь город, а население вручает участникам шествия подарки и сладости (их потом распределяют по детским домам и приютам для обездоленных).

А название «Алило» восходит к известному для всех христиан слову «аллилуйя», то есть восхваление Бога. И песня «Алило» – важная музыкальная краска Грузии, потому что исполняется в праздник Рождества не только во время торжественного крестного хода в храмах и монастырях, но и в обычном застолье почти в каждой семье.

«Алило» — это не только слова: «Спаси, Господи, мою Родину благословенную Грузию! Даруй, Господи, многая и благая лета для Грузии и всех грузин!» — это гимн всему лучшему на свете: Богу и Его творениям — солнцу, снегу, дождю, доброму урожаю, земле, вину, хорошим людям, улыбкам на лицах, радости в сердце. И как государственный гимн каждой страны отражает ее суть, какие-то ее особенности, так и, может быть менее торжественная, чем гимн Грузии, но все-таки тоже песня-гимн, «Алило» отражает Грузию.

Затем торжественность уступает место камерности: следует менгрельская песня «Вагиорко ма», тоже не случайно выбранная театром для спектакля. Если «Алило» – гимн, нечто возвышенное,

то «Вагиорко ма» – песня души, это язык сердца, выражение любви к любимому человеку.

Двадцать лет назад, разбирая бумаги и письма после смерти отца, я нашел несколько его давних писем маме, написанных когда он был в нее влюблен. И тогда мне показались слишком восторженными и даже напыщенными такие фразы, как «жемчужина моего сердца», «алмаз моей души», «снега твоих волос». А теперь я понимаю, что, как кавказский горячий юноша, он, влюбившись, горел, пылал, был как бы объят пламенем, и такой высокой температуре души могли соответствовать только такие высокие слова... Правда, говорить их можно только наедине, только для одного человека. И это тоже Грузия.

Точно так же и по другим семи странам: каждый музыкальный фрагмент показывает страну той или другой гранью.

Например, **исторической**, когда знакомство с Испанией после кадров кинохроники открывает средневековая баллада «Эринельдо», которую поют, подыгрывая себе на старинных скрипкахфиддлах два бродячих менестреля в одеждах XIII—XIV веков. Поют по очереди балладу о любви короля Кастилии Альфонсо и юной еврейки Ракель. О такой любви, которая прекратила все войны в стране, потому что король из воина стал художником и поэтом.

Или комической гранью, когда в музыкальном рассказе о Польше невозможно не запомнить два забавных фрагмента, подчеркивающих смешные сочетания слов в польском языке. А в музыкальном портрете Германии зрителей в зале завораживает шутливый танец с пощечинами, который бесполезно передавать словами: надо смотреть.

Или **мистической** гранью, когда Корея предстает в виде загадочного театра масок, где под ритм барабанов чангу за каждым движением, прыжком, позой или жестом стоит таинство, ритуал и подражание животным по примеру ушу или какой-то другой неизвестной нам школе восточных единоборств.

Как-то великий наш кинорежиссер Андрей Тарковский сказал, что мечтает снять такое кино, где не нужны были бы слова, а зритель был бы заворожен и притянут единственно тем, что видит. И во всех его фильмах есть фрагменты, которые притягивают, завораживают, например, в «Солярисе» это вода в ручье, текущая поверх стелющейся травы. Притягивает, наверное, магия природы, слаженность, равномерность и определенный ритм, говорящие о великом едином целом, которое в определенный момент вдруг открывается как чудо. Именно эта мысль приходит в голову, когда сидишь в зрительном

Посмотрев юбилейный спектакль, хочется воскликнуть: «Тридцать лет прожиты не зря!».

Герман Арутюнов